

Loula, František

Дифференциальная рента как категория социалистического сельскохозяйственного производства и причины ее возникновения

In: Loula, František. *К некоторым вопросам теории земельной ренты при социализме*. Vyd. 1. Brno: Universitet imeni Ja. Je. Purkine, 1966, pp. 72-119

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/119829>

Access Date: 16. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

ГЛАВА III

ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ РЕНТА КАК КАТЕГОРИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА И ПРИЧИНЫ ЕЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ

В предыдущих главах мы объяснили всеобщие условия существования дифференциальной ренты. Мы указали, во-первых, что и при социализме площадь лучших земель в сельском хозяйстве ограничена, вследствие чего необходимо обрабатывать также худшие по плодородию и местоположению земли, чтобы так удовлетворить общественную потребность в сельскохозяйственных продуктах. Различия в плодородии или местоположении земли приводят к дифференцированному уровню производительности труда, т. е. к затрате различного количества общественного труда (овеществленного и живого) на единицу продукции, как и к разной производительности дополнительных затрат средств производства и живого труда. Второе всеобщее условие существования дифференциальной ренты представляет то обстоятельство, что и при социализме существует товарное производство и стоимость является объективной категорией социалистического производства. Следовательно, различия в производительности труда проявляются разной величиной стоимости валовой продукции с одного гектара земли разного плодородия или местоположения, так как величина стоимости валовой продукции в условиях товарного производства не измеряется индивидуальной стоимостью товаров, а их стоимостью общественной. Дополнительный прибавочный продукт на участках лучшего плодородия или местоположения, возникающий вследствие различий в производительности труда, в условиях товарного производства проявляется главным образом в стоимостной форме, как разница между индивидуальной и общественной стоимостью сельскохозяйственных продуктов. Производители, производящие в лучших условиях, чем какими являются условия, определяющие стоимость, получают еще дифференциальный доход. Этот дифференциальный доход и представляет материальную основу дифференциальной ренты.

Однако дифференциальный доход, составляющий материальную основу дифференциальной ренты, нельзя отождествлять с самой дифференциальной рентой. Эти два понятия необходимо строго различать. Таким же образом вследствие этого нужно различать причины образования дифференциаль-

ного дохода, которые мы объяснили в предыдущих главах, и причины возникновения дифференциальной ренты, т. е. причины того, почему дифференциальный доход превращается в дифференциальную ренту.

Дифференциальная рента — это не дополнительный доход как таковой, а экономическая форма дополнительного дохода, известное общественно-экономическое отношение между людьми, основой которого является дифференциальный доход, являющийся результатом труда, затраченного в более благоприятных природных условиях.

Так тоже приступает к изложению земельной ренты Маркс, который шестой отдел третьего тома *Капитала* прямо назвал „Превращение добавочной прибыли в земельную ренту“ Изложение Марксом земельной ренты показывает нам путь и при исследовании земельной дифференциальной ренты при социализме.

Добавочная прибыль, превращающаяся в дифференциальную ренту, вызвана по Марксу 1. различиями в естественных условиях производства, т. е. в естественном плодородии почвы и местоположении участков, как и различиями в производительности добавочных вложений капитала; 2. ограниченностью земли, в частности земли лучшего плодородия, вследствие чего продукции с участков лучшего плодородия и лучшего местоположения недостаточно для удовлетворения потребностей общества и нужно обрабатывать и худшие участки. Это предпосылки добавочной прибыли в сельском хозяйстве, отличающейся относительно постоянным характером, так как и причины, вызывающие ее возникновение, относительно постоянны. Другое дело „заключается в превращении этой добавочной прибыли в форму земельной ренты (вообще ренты, как формы, отличной от прибыли); необходимо, однако, исследовать, когда, как и при каких обстоятельствах происходит это превращение“.⁶⁵

Так Маркс сначала показывает причины возникновения добавочной прибыли относительно постоянного характера в сельском хозяйстве, а лишь потом приступает к решению вопроса, почему эта добавочная прибыль приобрела самостоятельность как особая форма прибавочной стоимости, отличающаяся от прибыли.

Причиной этому по Марксу является земельная собственность. Прибавочный труд для другого человека принимает форму земельной ренты потому, что это труд для земельного собственника. „Земельная собственность — причина не создания этой добавочной прибыли, а ее превращения в форму земельной ренты, следовательно, присвоения этой части прибыли или цены товара собственником земли...“⁶⁶ Таким образом сущность земельной ренты как экономической категории представляет земельная собственность. „Какова бы ни была специфическая форма ренты, всем ее типам обще то обстоятельство, что присвоение ренты есть экономическая

форма, в которой реализуется земельная собственность, и что земельная рента, в свою очередь, предполагает земельную собственность...“⁸⁷

Несмотря на то, что эти взгляды Маркса общеизвестны, при решении вопроса дифференциальной ренты в условиях социализма о них очень часто забывают. Дело потом доходит до того, что в качестве причины дифференциальной ренты указываются природные условия. Так напр. И. И. Баланчивадзе в своей диссертации⁸⁸ причиной образования дифференциальной ренты считает ограниченность площади земельных участков при социализме. Это мнение не является одиночным; оно высказывается — хоть и менее выразительно — также в целом ряде других работ.

Причиной существования земельной ренты никогда не могут быть природные факторы. Земельная рента — как и все остальные экономические категории — представляет собой общественное явление. „Рента является результатом тех общественных отношений, при которых совершается эксплуатация земли. Она не может быть следствием более или менее прочной, более или менее долговечной природы земли. Рента обязана своим происхождением обществу, а не почве.“⁸⁹ И во второй фазе коммунистического способа производства будет существовать ограниченность площади лучших земельных участков, но не будет дифференциальной ренты, так как общественные причины ее возникновения будут устранены.

Таким образом причины существования дифференциальной земельной ренты при социализме следует искать в системе производственных отношений. Основой дифференциальной ренты является известная форма земельной собственности. Земельная рента при социализме выражает производственное отношение между людьми по отношению к дополнительному продукту, или, точнее, к дополнительному чистому доходу (так как различия в местоположении участков не приводят к созданию дополнительного продукта), который образует материальную основу ренты. Задача теперь будет состоять в том, чтобы найти ответ на вопрос, превращается ли и в условиях социалистического производства дифференциальный доход, который — как мы уже указали — возникает при социализме в сельском хозяйстве, в особую форму, обособленную от остального чистого дохода, — в дифференциальную ренту. И, если это так, что является причиной этого явления.

Прежде чем приступить к решению этих вопросов, следует привести взгляды некоторых советских экономистов, полностью отрицающих существование категории дифференциальной ренты при социализме.

Лишь мало их делает это прямо. Так на конференции, состоявшейся в Москве в сентябре 1958 г., из 30 экономистов, принимавших участие в прениях, их было только двое: доктор экономических наук проф. А. М. Гуревич и аспирант Э. Корецкая. Проф. Гуревич в своем выступле-

нии⁷⁰ признает различия в доходах сельскохозяйственных предприятий, связанные с различиями в плодородии и местоположении отдельных участков, однако не видит повода для выделения их как особой экономической категории. Он утверждает, что дифференциальная рента при социализме является вымышленной экономической категорией, которая была механически перенесена из условий капиталистического сельского хозяйства в социалистическое сельскохозяйственное производство. Аспирант Э. Корецкая мотивирует свое отрицание дифференциальной ренты при социализме тем, что при социализме были ликвидированы монополия частной собственности на землю и эксплуатация человека человеком.⁷¹ К этим противникам дифференциальной ренты при социализме присоединился в своей статье и академик С. Струмилин,⁷² который в своей аргументации исходит из того, что при социализме, вследствие устранения частной собственности на землю и на все остальные средства производства, перестает действовать закон средней нормы прибыли и вместе с этим исчезает основа для образования земельной ренты. „Из-за отсутствия классовой эксплуатации труда в условиях социализма отпадают и все элементы прибавочной стоимости, в том числе и земельная рента. Дифференциальная „рентабельность“ различных участков земли сохраняется, но дифференциальной ренты нет ...“⁷³

У всех этих прямых противников дифференциальной ренты то общее, что они считают земельную ренту при социализме чем-то чуждым социалистическим производственным отношениям, что прямо противоречит им. Профессор Гуревич заявляет, что земельная рента является специфической категорией капиталистического способа производства. Аспирант Э. Корецкая и академик Струмилин связывают земельную ренту с классовой эксплуатацией труда.

Против существования дифференциальной ренты при социализме писал также И. Марков⁷⁴ и в дискуссии в журнале „Вопросы экономики“ одинаково высказывались К. Н. Бонч-Осмоловский, Э. А. Виноградов, А. Н. Комин, Ф. П. Садовой, Г. С. Николенко, П. А. Чельшков, Д. С. Минаков, Е. Л. Таранов и Н. П. Егоров.⁷⁵

Больше, чем прямых противников дифференциальной ренты при социализме, имеется таких экономистов, которые на словах признают существование дифференциальной ренты при социализме, однако фактически его отрицают в связи со своими теоретическими исходными пунктами. Сюда относится напр. проф. М. М. Соколов, высказавший взгляд, что лучше следовало бы говорить не о дифференциальной ренте, а о дифференциальном чистом доходе.⁷⁶ Также И. И. Козодоев, хотя он исходит из других теоретических предпосылок, чем Соколов, приходит к заключению, что термин „рента“ непригоден для характеристики отношений,

возникающих в сельском хозяйстве при социализме, так как государство в качестве земельного собственника не получает никаких доходов. По его мнению, рента в условиях социализма является не экономической реализацией земельной собственности, а реализацией землепользования как объекта социалистического хозяйствования со стороны колхозников.⁷⁷ Одинаковые взгляды появляются и у некоторых чехословацких экономистов, которые или говорят о т. наз. земельной ренте, или о „ренте“ в кавычках, так как не имеются налицо все условия ее существования, как это имеет место при капиталистическом способе производства,⁷⁸ или предлагают заменить термин „рента“ термином „дополнительный чистый доход в кооперативах.“⁷⁹ В лучшем случае они заявляют, что дискуссии относительно названия не имеют никакого важного значения и что для дополнительного чистого дохода в кооперативах можно и впредь пользоваться термином „дифференциальная рента.“⁸⁰ Примеров таких мнений у советских и чехословацких экономистов можно было бы привести очень много. Однако, в отличие от проф. Пашкова⁸¹ я полагаю, что нельзя утверждать, будто экономисты, исходящие из взгляда, что стоимость сельскохозяйственных продуктов при социализме определяется условиями производства на средних участках, тем самым фактически отрицают существование дифференциальной ренты при социализме. Остается же разница между доходами хозяйств, работающих на средних и на лучших участках, которая является основой дифференциальной ренты. Продолжает также существовать разница между доходами, полученными со средних и с худших участков, однако дифференциальная рента здесь является отрицательной величиной, чем фактически доказывается неправильность исходного мнения. Однако, несмотря на ошибочность этого мнения, согласие с ним не следует, по-моему, отождествлять с отрицанием существования дифференциальной ренты при социализме.

Вернемся еще к статье академика Струмилина. В ней встречается ряд противоречий. Как мы уже указывали, академик Струмилин связывает образование земельной ренты со средней нормой прибыли как с ее основой. Неправильно, конечно, поддерживать такой взгляд с помощью взглядов Маркса. Маркс, в той части, где он разбирает издольное хозяйство и парцеллярную собственность, пишет: „Как бы ни регулировалась здесь средняя рыночная цена сельскохозяйственного продукта, дифференциальная рента, избыточная часть цены товаров с лучших или лучше расположенных земель, очевидно, должна существовать здесь точно так же, как при капиталистическом способе производства. Даже в тех случаях, когда эта форма существует при состояниях общества, при которых еще вообще не развилась общая рыночная цена, существует эта дифференциальная рента; она тогда выступает в виде избыточного прибавочного продукта. Но попадает она

в карман того крестьянина, труд которого реализуется при более благоприятных естественных условиях.⁴⁸² Эти слова могут послужить доказательством того, что Маркс ни в коем случае не связывал ренту со средней нормой прибыли. Хотя он на указанном месте говорит об обществах, в которых еще не развилась цена производства, то же самое логически должно относиться и к обществу, в котором уже не существуют условия для образования цены производства. То, что не существует монополии частной собственности на почву и таких категорий, как средняя прибыль и цена производства, имеет следствием, что не существует и абсолютной земельной ренты, источником которой является разница между стоимостью и ценой производства сельскохозяйственных продуктов. Нет также никакой связи между ценой производства и дифференциальной рентой. Если при капитализме дифференциальную ренту представляет разница между общей ценой производства, определяемой условиями производства на наихудших участках, и индивидуальной ценой производства на наилучших и средних участках, то это не обозначает связь между дифференциальной рентой и ценой производства, а между общей и индивидуальной ценами производства, в которых видоизменяется стоимость при капитализме. При социализме дифференциальную ренту объективно представляет разница между общественной стоимостью сельскохозяйственных продуктов и индивидуальной стоимостью продуктов, произведенных при лучших естественных условиях, чем какими являются условия, определяющие общественную стоимость.

Академик Струмилиш выступает как противник мнения о существовании дифференциальной ренты при социализме, однако в приведенной статье он сам приносит множество доказательств в пользу ее существования. Разбирая стоимость и цену на сельскохозяйственные продукты, мы привели его взгляд, что при социализме колхозники, ведущие хозяйство на наиболее плодородных или на лучше расположенных участках, не могут эти естественные преимущества превратить в свою монополию. Они не могут требовать присвоения излишка доходов, которые обусловлены не их собственным трудом, а почвенно-климатическими и географическими преимуществами. По мнению академика Струмилина лишь всему социалистическому обществу, в целом принадлежит право располагать излишними доходами этого рода. Для изъятия этих доходов академик Струмилиш предлагает, если зональные цены являются недостаточными, установление для каждого отдельного колхоза особых сдаточных цен товарной продукции, соответствующих этому принципу и интересам всего народного хозяйства. Мы также высказали свое мнение, что такое дифференцирование цен невозможно; академик Струмилиш здесь, очевидно, недооценил различия между государственной социалистической собственностью и группо-

вой собственностью. Однако, невзирая на это, академик Струмилин на этом месте невольно, но вполне ясно доказывает существование дифференциальной ренты при социализме. Полагать, что установление различных сдаточных цен в согласии с дифференцированной производительностью труда, вызванной различными естественными условиями, обозначает отмену дифференциальной ренты, по нашему взгляду неправильно. Речь идет не об отмене дифференциальной ренты, а о ее изъятии, об ограничении или ликвидации ее неблагоприятных последствий. Конечно, государство может ее изымать лишь в том случае, если она существует. Рента создается объективно; социалистическое государство может при помощи экономико-политических мероприятий использовать закон дифференциальной ренты на благо социалистического общества.

Таким образом академик Струмилин своими выводами на деле нехотя подтверждает существование дифференциальной ренты и доказывает необходимость ее изъятия всем обществом. Он показывает, что с сущностью социалистического способа производства несовместима никакая монополия естественных условий в руках известных коллективов трудящихся. Такую монополию можно устранить лишь путем использования всем обществом лучших естественных условий, существующих без рабочего усилия известных групп, т. е. изъятием дифференциальных доходов, ими обусловленных, в руки всего общества (государства) или же путем использования их для удовлетворения общенародных потребностей.

По нашему мнению (его сегодня придерживается большинство экономистов) дифференциальная рента в условиях социализма существует. Это объективное производственное отношение в социалистическом производстве, основой которого является чистый доход, получаемый вследствие лучших, относительно устойчивых естественных условий сельскохозяйственного производства. Однако социальная сущность дифференциальной ренты при социализме совершенно другая, чем у капиталистической земельной ренты. Между тем как земельная рента при капитализме является выражением производственных отношений превосходства и подчиненности, дифференциальная рента при социализме выражает отношения взаимопомощи и сотрудничества. Капиталистическая земельная рента является частью прибавочной стоимости, возникшей эксплуатацией наемных работников. При социализме дифференциальная рента является частью чистого дохода, созданного трудом свободных, от эксплуатации избавленных людей; она является результатом социалистического труда земледельческих работников в крупных социалистических хозяйствах. Она — как мы уже указывали — не может представлять собой излишек средней прибыли, так как средняя прибыль в условиях социализма не образуется. Это разница между общественной стоимостью сельскохозяйственных продуктов и индивидуаль-

ной стоимостью сельскохозяйственных изделий, произведенных при лучших естественных условиях, чем какими являются условия, определяющие стоимость.

Дифференциальная рента не является вымышленной категорией, механически перенесенной из капитализма в условия социалистического производства; она выражает реально в социалистическом обществе существующее производственное отношение. Социально-экономический характер этой категории иной, чем при капитализме вследствие других условий в социалистической экономике. Однако речь идет все время о том же понятийном отношении, т. е. о той же категории. Поэтому было бы излишним и даже ошибочным придумывать новый термин для этой категории. Таким образом в определенной степени упускалась бы из виду эволюционная линия и возможность исследовать диалектическое развитие этой категории, а это важная задача экономической науки, касающаяся не только дифференциальной ренты при социализме, но и всех остальных экономических категорий.

В настоящее время большинство советских и чехословацких экономистов признает существование категории дифференциальной ренты при социализме. Однако им еще далеко до достижения единства во взгляде на то, что является непосредственной причиной дифференциальной ренты, т. е. причиной того, почему дифференциальный доход, обусловленный дифференцированными естественными условиями, превращается в дифференциальную ренту.

Некоторые экономисты⁶³ признают возникновение дифференциальной ренты лишь в сфере кооперативного сельскохозяйственного производства, а рентными отношениями считают лишь отношения между государством и кооперативами (колхозами). Другие авторы,⁶⁴ как в Чехословакии, так и в СССР, полагают, что рентные отношения возникают и внутри государственного сектора, т. е. как отношения между государственными хозяйствами (совхозами) и государством. Некоторые авторы⁶⁵ придерживаются мнения, что дифференциальный доход, который становится основой рентных отношений между государством и соответствующими предприятиями, образуется не только в государственных сельскохозяйственных предприятиях, но и в лесном хозяйстве, в горной промышленности и в других отраслях производства, тесно связанных с использованием земли, ее богатств, вод и т. д. К объему сферы, в которой закон дифференциальной ренты действует при социализме, мы еще вернемся в следующей главе. Здесь мы ограничимся лишь несколькими примечаниями.

Нет сомнений, что существуют принципиальные различия в отношениях между сельскохозяйственными кооперативами и государством, с одной стороны, и между государством и государственными сельскохозяйствен-

ными предприятиями (совхозами, госхозами и т. п.), с другой стороны. Эти различия приводят к тому, что рентные отношения между государством и государственным социалистическим предприятием по социальному содержанию не могут полностью совпадать с отношениями между государством и сельскохозяйственным кооперативом. Однако из этих различий нельзя дедуцировать несуществование дифференциальной ренты в государственных социалистических предприятиях. Процесс воспроизводства в государственных хозяйствах (совхозах) осуществляется в условиях товарного производства и при хозрасчетных отношениях, вытекающих из него, экономическую сущность которых не следует недооценивать. Несмотря на то, что интересы отдельных государственных предприятий и государства в основном идентичны и что между ними не может быть существенных противоречий, нельзя сказать, что экономическая форма, в которой осуществляется процесс воспроизводства в государственном сельскохозяйственном предприятии, вовсе не дает возможности возникновения противоречий. Сама жизнь показывает, что такие противоречия возникают; постоянное стремление со стороны государства к усовершенствованию хозрасчета и организации предприятий является как раз выражением этих противоречий, желанием устранить их и достичь согласия между интересами социалистических предприятий и государством как представителем всего социалистического общества. Товарная форма отношений в государственных сельскохозяйственных предприятиях и различное плодородие почвы, на которой они ведут хозяйство, приводят к возникновению дополнительного дифференциального дохода, который не может не стать объектом экономических отношений между государством и государственным сельскохозяйственным предприятием. Переход этого избыточного чистого дохода, возникающего вследствие монополии хозяйствования на земле (или, шире, вследствие монополии хозяйствования с относительно устойчивыми естественными ресурсами) в руки всего общества, представляемого социалистическим государством, обозначает его превращение в дифференциальную земельную ренту. Разумеется, что производственное отношение, возникающее тут между государством и государственным сельскохозяйственным предприятием, в известной степени отличается от производственного отношения между государством и сельскохозяйственными кооперативами так же, как и государственная собственность отличается от кооперативной; однако характер дифференциальной ренты здесь ясно сохраняется. Различие проявляется в частности способом изъятия дифференциальной ренты (наряду с другими способами). Между тем как у сельскохозяйственных кооперативов средством изъятия избыточного чистого дохода служит помимо заготовительных цен на сельскохозяйственные продукты и дифференцированный сельскохозяйственный

налог, земельная рента у государственных сельскохозяйственных предприятий, наряду с заготовительными ценами, взимается в форме отчислений от прибыли.

Единства взглядов экономисты не достигли и по вопросу, какую часть избыточного чистого дохода сельскохозяйственного предприятия следует считать земельной рентой. Некоторые⁸⁶ полагают, что рентой можно считать лишь ту часть избыточного дохода, которая переходит от сельскохозяйственного кооператива в руки государства, чем возникают специфические рентные отношения между государством и кооперативами. Другие экономисты⁸⁷ придерживаются, наоборот, той точки зрения, что дифференциальную земельную ренту представляет только та часть избыточного дохода, которую государство не изымает и которая остается в сельскохозяйственном кооперативе. Государством изъятая часть избыточного чистого дохода поступает, по мнению этих экономистов, просто в общий фонд удовлетворения общественных потребностей и приобретает, как и его остальные существенные части, форму централизованного чистого дохода государства.

Мы считаем дифференциальную земельную ренту при социализме экономической категорией, т. е. теоретическим выражением экономических отношений, присущих всему социалистическому способу производства. Следовательно, ее нужно обосновать объективно существующими экономическими условиями. Дифференциальная рента потом обязательно и всегда возникает во всех тех случаях, когда эти условия объективно налично. Также ее величина определена объективно, а именно как разница между общественной стоимостью сельскохозяйственных продуктов и индивидуальной стоимостью продуктов, произведенных при лучших естественных условиях, чем какими являются условия, определяющие стоимость. Обе приведенные точки зрения некоторых советских экономистов следует отвергнуть как ошибочные, так как они делают возникновение ренты и ее величину зависимыми от субъективных факторов, от правовых норм, посредством которых рента изымается в распоряжение социалистического государства. Существование и величина дифференциальной ренты при социализме определяются известными объективными экономическими условиями, к пониманию которых, по нашему мнению, ключом является собственность на землю при социализме. Где эти условия имеются, там дифференциальная рента возникает, там действует объективный закон дифференциальной ренты. На этом экономическом факте основано отчисление дифференциальной ренты на базе известных юридических норм в руки социалистического общества в целом, причем в правовой норме, определяющей способ и сроки передачи, с одной стороны более или менее правильно может отражаться объективная экономическая действительность, с другой стороны — можно исходить, кроме того, также из политических

и других фактов. Эта правовая норма не может, однако, создать экономическую категорию дифференциальной ренты при социализме и определить ее величину.

Большинство экономистов, занимающихся изучением земельной ренты при социализме, исходят из марксистско-ленинского учения о земельной ренте и из творческого обобщения конкретной экономической действительности. Они обосновывают необходимость существования рентных отношений при социализме, указывая, конечно, что категория земельной ренты при социализме имеет другую социально-экономическую сущность, чем капиталистическая земельная рента. Но если они сходятся в этом основном вопросе, то вовсе этого нельзя сказать о вопросе непосредственных причин и условий возникновения этой категории в социалистическом обществе. По этому вопросу встречаются различные мнения, которые можно было бы свести к следующим главным группам:

1. Часть экономистов⁸⁸ видит причину существования дифференциальной ренты при социализме в наличии двух форм социалистической собственности. Таким образом причиной является то, что наряду с государственными сельскохозяйственными предприятиями (совхозами, госхозами и т. п.) существуют как самостоятельные хозяйства и сельскохозяйственные кооперативы (колхозы, ЕСХК и т. д.), хозяйствующие на земле, которая находится в их пользовании. Если бы все сельскохозяйственное производство велось государством, т. е. государственными социалистическими сельскохозяйственными предприятиями, и если бы не существовало кооперативной собственности, при чем бы, однако, существовали товарное производство и закон стоимости, то — по мнению этих экономистов — дифференциальная земельная рента при социализме не образовалась бы. Если бы государство было единственным хозяином земли, оно могло бы потери с худших участков компенсировать излишками, которые были бы получены на лучших участках. Стоимость сельскохозяйственных продуктов определялась бы в таком случае средними по плодородию участками; не было бы никакой разницы по сравнению с определением стоимости в промышленности. Такое положение дел имеется напр. в добывающей промышленности, где государство является не только собственником шахт, но и единственным хозяином их и где вследствие идентичности объекта собственности и объекта хозяйствования дифференциальная рента не может существовать. По мнению этих экономистов такой именно случай имел Маркс в виду в своем известном высказывании об исчезновении ложной социальной стоимости при социализме в III томе *Капитала*.⁸⁹

2. Некоторые экономисты⁹⁰ полагают, что причиной наличия земельной ренты при социализме является наличие товарного производства и действие закона стоимости.

3. Многочисленна группа тех экономистов,⁹¹ которые считают, что причиной существования дифференциальной земельной ренты при социализме является монополия на землю как объект хозяйствования в руках сельскохозяйственных кооперативов.

4. Некоторые указывают две причины существования земельной ренты при социализме. Одни — монополию на землю как объект хозяйствования и наличие товарного производства,⁹² другие — кооперативно-групповую собственность на средства производства в связи с общенародной собственностью (т. е. двойственную социалистическую собственность на средства производства) и исключительное положение кооперативов, хозяйствующих на еще лучших землях.⁹³

5. По мнению других экономистов причиной возникновения земельной ренты при социализме является изъятие государством избыточного дохода кооперативов в целях обеспечения одинаковых условий воспроизводства для всех кооперативов.⁹⁴

6. По мнению некоторых передача избыточного чистого дохода происходит в целях удовлетворения требований экономического закона распределения по труду.⁹⁵

7. Последним, хоть и не наименее важным, является мнение, что земельная рента при социализме является реализацией всенародной собственности на землю.⁹⁶ Это именно точка зрения, которой мы придерживаемся, так как только с ее помощью можно логически обосновать возникновение дифференциальной ренты при социализме. Лишь она дает нам право назвать избыточный чистый доход земельной рентой без излишних колебаний, не следует ли это название стыдливо закрыть в кавычках или как-нибудь иначе деформировать. Да, если говорить по праву о земельной ренте как об экономической категории, речь не может идти не о чем ином, как об экономическом отношении между субъектом хозяйствования на земле и собственником земли.

К отдельным взглядам прибавим хоть несколько примечаний. По моему мнению причину существования земельной ренты при социализме нельзя объяснить существованием двух видов социалистической собственности на средства производства. Так можно объяснить только хозяйственно-оперативную самостоятельность сельскохозяйственных кооперативов, которая является основой существования товарного производства и хозрасчетного хозяйствования кооперативов. Однако, из этого ни в коем случае еще не вытекает необходимость самостоятельности избыточного чистого дохода, созданного хозяйствованием на различных по плодородию и местоположению землях. Для этого недостает второго полюса, который представляет всенародная собственность на землю при социализме, являющаяся един-

ственной причиной превращения этого избыточного чистого дохода в социалистическую дифференциальную ренту. Кроме того, как мы уже указали при изложении товарного производства при социализме, групповая собственность является лишь следствием известной исторической ступени развития производительных сил в странах, строящих социализм; это не закономерное явление, а исторически специфическое лишь для некоторых стран. Поэтому при его помощи нельзя обосновывать социалистическую земельную ренту как объективную экономическую категорию социалистического способа производства. Впрочем, известная экономическая самостоятельность существует и в социалистическом государственном секторе, при чем как мы уже показали, и тут происходит — хоть в меньшей степени, чем в кооперативных предприятиях — отделение отдельных государственных социалистических предприятий друг от друга и необходимость их объединения посредством денежно-товарных отношений. Товарное производство внутри государственной социалистической собственности не было сюда внесено извне вследствие существования двух форм социалистической собственности; оно здесь возникает первобытно, по собственным причинам. Результатом приобретения известной самостоятельности государственными предприятиями является также их хозяйственное хозяйство. Если додумать следствия этого состояния социалистических предприятий, нужно признать, что между государственными социалистическими предприятиями и государством возникают экономические соотношения, в том числе и экономическое отношение, обозначаемое как дифференциальная земельная рента. Это соотношение между государством как собственником земли и отдельными государственными сельскохозяйственными предприятиями как субъектами хозяйствования на земле. Причиной его существования является всенародная собственность на землю, которая приводит к тому, что избыточный чистый доход государственных социалистических предприятий превращается в социалистическую дифференциальную земельную ренту.

Могло бы показаться, что сторонники взгляда о двух формах социалистической собственности как причине дифференциальной ренты, соотносят ее лишь с существованием сельскохозяйственных кооперативов. Поэтому интересно, что один из главных сторонников этой точки зрения, проф. А. И. Пашков, признает наличие дифференциальной ренты и в совхозах:⁹⁷ По его мнению также дифференциальная рента в совхозах выражает особое производственное отношение совхоза к обществу, представляемому государством. Однако объяснить причину этого отношения удастся его теории лишь с трудом. С одной стороны он указывает, что в виду сосуществования совхозов и колхозов общество признает затраты труда на худших участках у совхозов так же, как и у колхозов. Следовательно, если вместе с колхозами

на земле хозяйствуют и совхозы, возникают рентные отношения между государством и совхозами. Известную часть ренты, реализованной в совхозах, по мнению Пашкова получают работники совхоза. Однако с другой стороны он говорит, что дифференциальную ренту в совхозах нельзя считать лишь косвенным отражением существования дифференциальной ренты в колхозах. И в совхозе рента выражает известные производственные отношения, которые однако, как полагает проф. Пашков, до сих пор не были полностью вскрыты, и поэтому проблема должна еще изучаться. Как видно, проф. Пашков противоречит своей точке зрения, причем единственным выходом из положения является изучение социалистической собственности на землю. Тем не менее этот шаг проф. Пашков не хочет сделать и высказывает свое несогласие с теми, кто говорят, что совхоз является владельцем земли. Он опасается, что этим было бы нарушено единство и неделимость государственной собственности и такое мнение называет подобным синдикализму.

Ко второй группе мы отнесли тех экономистов, которые видят экономическую причину существования дифференциальной ренты при социализме в товарном производстве и в действии закона стоимости. Товарное производство представляет рамки возникновения дифференциальной ренты, оно является общим условием ее существования. При помощи анализа товарного производства нам объясняется механизм образования дифференциального дохода. Дифференциальные доходы, конечно, могут создаваться во всех отраслях материального производства, в любом социалистическом предприятии, производящем в лучших условиях, чем средние, как разница между общественной стоимостью и индивидуальной стоимостью товаров. Однако в сельском хозяйстве наряду с временной разницей, связанной с уровнем техники, с организацией производства на отдельных предприятиях и т. п., существуют и относительно постоянные различия, связанные с разным плодородием и местоположением обрабатываемых участков, которые при наличии товарного производства и вследствие действия закона стоимости приводят к возникновению относительно постоянных дифференциальных доходов. Однако, только существование товарного производства и действие закона стоимости не дают ответа на вопрос, почему этот дифференциальный доход становится самостоятельным, принимая форму самостоятельной экономической категории — категории социалистической земельной дифференциальной ренты. Товарным производством никак нельзя объяснить превращение дифференциального дохода в дифференциальную ренту. Для достижения этой цели необходимо исследовать отношения, основой которых является земля, т. е. собственность на землю при социализме. Категория земельной ренты при социализме выражает именно эти отношения; она является реализацией социалистической

собственности на землю. Только таким образом можно объяснить ее возникновение, вскрыть ее сущность.

Главным представителем третьей группы экономистов, которые считают причиной существования дифференциальной земельной ренты при социализме хозяйствование сельскохозяйственных кооперативов на земле, стал И. И. Козодоев. Этот свой взгляд он выразил в многочисленных статьях, брошюрах и книгах, а также в своей докторской диссертации. Там он говорит, что дифференциальная рента вытекает „из того объективного факта, что земля как объект хозяйствования на ней находится не в руках общества, а в руках данного хозяйства. В коллективных и единоличных хозяйствах земля как объект хозяйства принадлежит им, а не государству. Это и является непосредственной причиной образования дифференциальной ренты в этих хозяйствах.“ (Здесь речь идет о дифференциальной ренте в период диктатуры пролетариата, поэтому Козодоев говорит не только о колхозах, но и о хозяйствах единоличников.)⁹⁸ Козодоев, а в частности некоторые из его сторонников⁹⁹ это мнение противопоставляют взгляду, что причиной дифференциальной ренты при социализме являются два вида социалистической собственности. Козодоев не согласен с тем, что дифференциальная рента при социализме как экономическая категория обусловлена колхозной собственностью на средства производства и на произведенную продукцию.¹⁰⁰ Однако это неправильно. Земля как объект хозяйствования в руках сельскохозяйственных кооперативов и кооперативная (групповая) собственность на средства производства — понятия неразделимые, органически связанные. Их нельзя противопоставлять друг другу. Хозяйствование кооперативов на земле и их монополия на землю как объект хозяйствования обязательно обусловлены существованием кооперативной собственности. Сельскохозяйственные кооперативы и их монополия на землю как объект хозяйствования существуют именно потому, что существует кооперативная собственность. По мнению И. И. Козодоева колхоз является собственником всей продукции, в том числе прибавочного продукта для общества, независимо от собственности на землю и независимо от собственности на сельскохозяйственные машины, единственно потому, что земля как объект хозяйствования принадлежит ему. Очевидно, что в сельском хозяйстве пока нельзя получить никакой продукции без применения земли и что земля как объект хозяйствования имеет основное значение. Однако колхоз не становится собственником продукции потому, что он в своих руках имеет землю как объект хозяйствования, а прежде всего потому, что он на ней хозяйствует как колхоз и что тут существует кооперативная (групповая) социалистическая собственность. По моему мнению, между теми, кто причиной земельной дифференциальной ренты при социализме считают существование двух видов

социалистической собственности, и теми, кто полагают, что причиной является земля как объект хозяйствования в руках кооперативов, нет такого уж принципиального различия, чтобы их следовало ставить друг против друга, как это часто имело место в дискуссии о земельной ренте при социализме.

Из чехословацких экономистов, участвовавших в дискуссии в журнале „*Politická ekonomie*“, большинство также примкнуло к этой точке зрения, причем во взглядах отдельных экономистов подчеркивается тот или иной фактор или они объединяются,¹⁰¹ но не противопоставляются друг другу.

Из указанной точки зрения вытекает, что дифференциальная рента при социализме образуется лишь в сельскохозяйственных кооперативах. Так И. И. Козодоев отрицает существование дифференциальной ренты в государственных сельскохозяйственных предприятиях¹⁰² и в добывающей промышленности. Если земля как объект хозяйствования находится в руках общества, как это имеет место у этих предприятий, избыточный доход не может приобретать форму дифференциальной ренты. „Между кем, — спрашивает И. И. Козодоев, — здесь может возникнуть рентное отношение по поводу этого избыточного дохода? В государственных предприятиях весь созданный продукт — в том числе и избыточный продукт — является собственностью государства, так как государство не только собственник земли, главное, оно владеет землей как объектом хозяйства.“

Интересно отметить, что в дальнейшем изложении Козодоев правильно указывает, что в связи с естественными условиями Советское государство получает из угольных копей т. наз. ренту и от лесозаводов особую таксу, т. наз. попенную плату. Он обосновывает это тем, что если бы государство не отнимало этот вследствие лучших естественных условий возникший излишек, то у предприятий, хозяйствующих при лучших условиях, образовалась бы намного большая прибыль. Приобретение этой более высокой прибыли находится в связи с естественной силой, на создание которой предприятия не имеют никакого влияния, а не со способностью совершенствовать производство, внедрять новую технику, новые методы труда, новую организацию и т. п. Если бы этот излишек не отнимался государством, то отдельные государственные предприятия очутились бы в неравных условиях. У предприятий, хозяйствующих при относительно лучших естественных условиях, произошло бы ослабление стимулов для достижения более высокой эффективности затрат средств производства и живого труда и тем самым для повышения выпуска продукции. То, что относится к государственным предприятиям добывающей промышленности, о которых говорит Козодоев, относится, конечно, и к государственным предприятиям сельскохозяйственным. Однако, по Козодоеву, здесь речь идет не о рентном отношении. Государство отнимает этот излишек у своих

предприятий для того, чтобы для них создать необходимые хозяйственные стимулы, однако, по мнению Козодоева, между государством и коллективом работников государственного предприятия не может возникнуть отношение, которое можно было бы назвать рентой.

Это мнение исходит из неправильного понимания того факта, что и в государственной социалистической собственности объединение производителей в одно целое не абсолютно, так как здесь сохраняется известное относительное разъединение производителей, зависящее от уровня социалистических производительных сил. Вследствие этого могут образоваться, и действительно образуются, производственные отношения между отдельными государственными предприятиями, а также между государством и отдельными государственными предприятиями, несмотря на то, что эти отношения имеют другое содержание, чем аналогичные отношения кооперативов.

То, что земля находится в руках кооперативов как объект хозяйства, никак не может объяснить возникновения дифференциальной ренты как самостоятельной экономической категории, т. е. причины того, почему избыточный чистый доход кооперативов становится самостоятельным и превращается в дифференциальную ренту. Монополия на землю как объект хозяйства является причиной возникновения дифференциального дохода как такового, но второй полюс рентного отношения при таком толковании отсутствует. Как мы увидим дальше, такое понимание обязательно приводит к тому, что обсуждается пригодность других названий вместо дифференциальная рента, что слово рента пишется в кавычках и т. п. Монополия производителей, хозяйствующих на лучших землях, приводит к образованию дополнительного прибавочного продукта (или чистого дохода), но никак не объясняет приобретения им самостоятельности в качестве дифференциальной ренты. В своем изложении мы уже показали общие условия возникновения дифференциальной ренты (т. е. возникновения избыточного прибавочного продукта), которыми, собственно говоря, уже определено положение коллективов, ведущих хозяйство на земле при социализме. Именно потому, что эти условия налицо, т. е. что и при социализме хозяйство ведется на землях разного плодородия и разного местоположения и что также в условиях социализма существует товарное производство и действует закон стоимости, именно потому происходит то явление, что земля как объект хозяйства находится, с одной стороны, в руках кооперативов, а с другой стороны — в руках государством на земле созданных коллективов. Она не находится непосредственно в руках общества.

И. И. Козодоев и остальные сторонники этого мнения отрицают какую-либо связь земельной дифференциальной ренты при социализме с соб-

ственностью на землю.¹⁰³ Тем не менее они не могут отрицать того, что рента является избыточным доходом для общества. Государство, как они признают, отнимает часть дифференциальной ренты у сельскохозяйственных кооперативов, но не в качестве собственника земли. В странах народной демократии государство не является собственником земли; земля здесь в большой своей части является частной собственностью крестьян, а все-таки государство тоже получает часть дифференциальной ренты. Очевидно, что И. И. Козодоев здесь смешивает категорию собственности с правом собственности, т. е. категорию экономическую с категорией надстройки, категорией правовой. Хотя право собственности является идеологическим отражением собственности в надстройке, оно в то же время имеет свое относительно самостоятельное развитие. Это значит, что право собственности может опережать отношения собственности, но может также отставать от них. Как и другие волевые отношения и идеи, в надстройке может продолжать существовать и старое право собственности, хотя в экономическом базисе соответствующие экономические отношения больше не существуют и были заменены новыми, качественно отличными экономическими отношениями. Определить, о каком виде собственности на землю речь идет и каков ее характер, можно лишь на основании анализа действительного состояния, на основании анализа существующих экономических отношений. Ни в коем случае не следует исходить, как это делает проф. Козодоев, только из юридических предписаний. К этому вопросу мы еще подробнее возвратимся в IV главе при рассмотрении собственности на землю при социализме.

Что же является, по мнению И. И. Козодоева и его сторонников, причиной того, что социалистическое государство получает часть дифференциальной ренты? Избыточный продукт (избыточный чистый доход) образуется в связи с использованием колхозниками бесплатной, свободно не воспроизводимой естественной силы (лучшее плодородие земли, лучшее местоположение участков), являющейся фактором более высокой производительности их труда. Нетрудно узнать, что излишек, образование которого обусловлено наличием бесплатной естественной силы, является по существу — независимо от того, чьим трудом он был создан — дополнительным прибавочным продуктом, доходом общества. В дальнейшем Козодоев ставит себе вопрос, правильно ли, чтобы излишек, который принимает форму дифференциальной ренты, получало общество (в лице государства), так как в сущности это доход общества; или должно государство часть этого излишка предоставить тем, трудом которых он был создан? И он снова заявляет, что и при решении этого вопроса форма собственности на землю не играет никакой роли. По мнению Козодоева и большинства сторонников этой точки зрения, социалистическое госу-

дарство оставляет часть ренты кооперативам (или единоличникам) с целью повышения их заинтересованности в производстве и укрепления союза рабочего класса с крестьянством. Другую же часть государство получает не потому, что оно является собственником земли, а потому, что часть продукта, выступающая в форме дифференциальной ренты, по существу является избыточным продуктом для общества.

Такая трактовка неудовлетворительна; собственно говоря, она совсем не объясняет причины превращения дифференциального избыточного дохода в дифференциальную ренту. Она только признает, что действительно возникает отношение между государством и сельскохозяйственными кооперативами, поскольку дело касается избыточного чистого дохода, однако почему это так, она объяснить не в состоянии. Ссылаться на бесплатные силы природы — неправильно. Ведь люди в процессе производства везде используют естественные силы, но из этого факта вовсе не вытекает, что прибавочный продукт или любая его часть должны принадлежать обществу. Объяснить это превращение можно не чем иным, как тем, что как целый продукт, так и часть, образующая прибавочный продукт, принадлежат собственнику средств производства; следовательно, часть дополнительного прибавочного продукта, связанная с использованием земли и ее свойств, принадлежит тому, кто является собственником земли. А им при социализме является общество в лице социалистического государства, несмотря на юридическую собственность на землю.

Почему И. И. Козодоев так упорно отказывается признать, что дифференциальная земельная рента принадлежит обществу на основании его собственности на землю? Это потому, что Козодоев отождествляет социалистическую собственность на землю с капиталистической собственностью, или, точнее говоря, потому что И. И. Козодоеву и многим другим экономистам неясно понятие земельная собственность или даже собственность вообще. В этом именно заключается сущность дела, и поэтому анализу собственности на землю придется уделить особое внимание. Этот анализ мы проведем подробнее в следующей главе. Аргументация Козодоева исходит из того, что национализацией земля в СССР и в Монгольской Народной Республике была передана крестьянам в бесплатное и вечное пользование. Этому великому революционному мероприятию, по его мнению, противоречит то, что социалистическое государство присваивает себе дифференциальную ренту на основании прав земельного собственника. Присвоение земельной ренты по праву земельного собственника является не чем иным, как платой за землю, независимо от того, производится ли она в форме арендной платы, сельскохозяйственного налога или посредством низких сдаточных цен на сельскохозяйственные продукты. „Великое революционное значение аграрных реформ, осуществляемых рабочим клас-

сом, как раз и состоит в том (но не только в этом), что пролетарская диктатура уничтожает многовековое гнусное право присваивать доходы только на том основании, что получатель этих доходов — собственник земли.¹⁰⁴ Не может быть более ясного доказательства того, что здесь действительно речь идет об отождествлении социалистической собственности на землю с капиталистической собственностью или что мы наталкиваемся на неправильное понимание содержания собственности на землю при социализме. Характер отношений между капиталистом-арендатором и собственником земли в капиталистическом обществе И. И. Козодоев механически переносит на отношения между сельскохозяйственными кооперативами и социалистическим государством. Поэтому в изъятии ренты государством (в реализации земельной собственности) он видит нечто чуждое самой природе социалистических производственных отношений и социалистического государства.

Считать реализацию всенародной собственности на землю платой за землю и тем самым, по существу, отрицанием национализации земли — глупо ошибочно и является, очевидно, недоразумением. Экономисты, придерживающиеся этой точки зрения, на эту плату — передачу дифференциальной ренты государству — смотрят как на аренду, смешивая таким образом социалистическую земельную ренту с капиталистической рентой. Однако на деле она не имеет с арендой ничего общего, так как государство не взимает никакой платы за право пользоваться землей как объектом хозяйства. Оно не взимает никакой платы ни за какие участки, ни за какую землю. Кооперативы передают в руки государства только тот излишек чистого дохода, который образуется вследствие различных естественных или обществом созданных условий, не зависящих от кооперативов и от их работы.

Неправильно также смотреть на отношение между социалистическим государством и кооперативами аналогично как на отношение между частным земельным собственником и капиталистическим арендатором. Условиям социализма адекватна всенародная собственность на землю. Земля является собственностью социалистического общества, в том числе крестьян как членов общества. Крестьяне, трудящиеся на земле, не отделены от нее, земля принадлежит тем, кто на ней трудятся, однако свою собственность на землю крестьяне реализуют через посредство общества, т. е. государства, которое является представителем социалистического общества. Поэтому дифференциальная рента при социализме является доходом социалистического общества, которое использует ее на благо всего общества, в том числе и в интересах крестьян. Класс рабочих и класс крестьян при социализме имеют одинаковое отношение к земле как всенародной собственности, но имеют к ней различное отношение как к объекту

хозяйства. Можно ли говорить о плате за землю, когда кооперативные крестьяне-члены социалистического общества пользуются землей, которая является собственностью социалистического общества? Станем на некоторое время на точку зрения И. И. Козодоева и остальных экономистов, разделяющих его мнение. Если мы будем считать — как они — дифференциальную ренту платой за землю, потом мы будем вынуждены также признать, что рабочий класс производит обществу тоже плату за пользование средствами производства, так как кроме необходимого продукта, который переходит в его личную собственность, он создает прибавочный продукт, переходящий в руки общества (государства). Общество как собственник средств производства присваивает прибавочный продукт, который используется на благо всего общества, т. е. не только рабочих, но и крестьян, которые через посредство государства как представителя социалистического общества реализуют свою собственность на средства производства. Одинаковое положение имеется в отношении дифференциальной ренты; общество как собственник земли, с которой образование избыточного чистого дохода находится в связи, присваивает эту часть прибавочного продукта. Рента потом используется на благо всего общества, крестьян и рабочих, которые так через посредство государства реализуют свою собственность на это основное средство производства в сельскохозяйственном производстве. Из этого всего вытекает, что присвоение ренты социалистическим обществом ни в коем случае нельзя считать платой за землю.

Социалистическому обществу (государству) принадлежит избыточный чистый доход с самого начала, еще перед его передачей, по праву всенародной собственности на землю. Лишь так этот избыточный чистый доход выступает как дифференциальная земельная рента. По существу рента принадлежит всему народу, так как всему народу при социализме принадлежит земля. Другой тот вопрос, оставляет ли государство часть дифференциальной ренты в сельскохозяйственных кооперативах или в государственных предприятиях и какую часть оно там оставляет. Между тем как вопрос, кому принадлежит дифференциальная рента и почему, является вопросом принципиальным, вопросом теории дифференциальной ренты, другой вопрос является вопросом экономической политики. Хотя принципиально право на ренту при социализме принадлежит государству как собственнику земли, ее распределение между государством и сельскохозяйственными предприятиями всегда определяется целью и задачами экономической политики социалистического государства. Эти задачи вытекают из необходимости развития всего народного хозяйства, следовательно, и развития сельскохозяйственного производства как государственного, так и кооперативного, а также из необходимости укрепления союза рабочего класса

и класса колхозного крестьянства. Государство может оставить в сельскохозяйственных кооперативах часть ренты также в том случае, если там обеспечено применение ее для таких целей, достижение которых иначе обеспечивается государством как представителем всего общества (строительство дорог, культурные мероприятия, строительство детсадов и других общественных учреждений), так как в этих случаях рента используется для всенародных целей и не должна проходить через государственный бюджет. Равным образом часть ренты можно оставить для укрепления неделимых фондов, которые представляют экономическую базу постепенного сближения кооперативной собственности с всенародной собственностью. Экономическая политика социалистического государства меняется на отдельных этапах экономического развития, вследствие чего на разных этапах будет целесообразно оставлять в кооперативах ту или иную часть дифференциальной ренты. Несмотря на действительную величину ренты, передаваемой государству, дифференциальная рента как экономическая категория социализма представляет в количественном определении разницу между общественной стоимостью сельскохозяйственных продуктов и их индивидуальной стоимостью на лучших землях, чем какими являются земли, определяющие стоимость. Принципиально вся дифференциальная рента потом является доходом социалистического общества и принадлежит государству как его представителю, являясь реализацией всенародной социалистической собственности на землю.

Рассмотрим еще некоторые взгляды чехословацкого экономиста Ярослава Кочи, который в основном придерживается той же точки зрения на причины образования дифференциальной ренты, как И. И. Козодоев. Я. Кочи правильно приводит, что „социализм по существу представляет производственно-потребительское сообщество трудящихся городов и деревни, которые совместным усилием используют природу и ее ресурсы для удовлетворения своих потребностей. Любая монополизация некоторого из естественных ресурсов как объекта собственности части общества с целью достижения экономических выгод, вытекающих из этой монополизации, чужда смыслу и задачам социалистического способа производства.“¹⁰⁶ Я. Кочи здесь весьма выразительно указал одну из главных черт социалистических революционных перемен в деревне: устранение условий монополизации земли как объекта собственнических отношений частью социалистического общества, устранение возможности превращения земли в источник не зависящих от труда доходов для известной части общества. Это именно то, о чем Маркс писал во многих своих трудах, что частная собственность на землю означает монополию отдельных лиц на это весьма важное средство производства и что вследствие этого социализм несоединим не только с частной собственностью на землю (впрочем, это не адекватно

и капиталистическому способу производства), но и с групповой собственностью. И групповая собственность на землю означает монополию известной группы лиц и незаслуженные выгоды по сравнению с другими группами общества. Социализм значит равенство всех людей в их отношении к средствам производства, а такое равенство нарушается не только частной, но групповой собственностью на землю. Поэтому земля в условиях социализма должна стать всенародной собственностью. Однако Я. Кочи в борьбе против взгляда, что земельная рента при социализме является экономической реализацией земельной собственности, после посылок, с которыми можно полностью согласиться, приходит к заключению, с которым вовсе нельзя согласиться. Он пишет: „Таким образом при социализме, как я полагаю, присваивание избыточного прибавочного продукта перестает выражать экономическую реализацию „монополии земельной собственности“ любого вида. Наряду с этим, избыточный прибавочный продукт, создаваемый более производительным трудом производителей, ведущих хозяйство на лучших землях, перестает быть носителем особых отношений, отношений между земельным собственником и хозяином на земле — рентных отношений. Так превращается и его превращение в дифференциальную ренту как форму земельной ренты.“¹⁰⁶ А все-таки отменить монополию земельной собственности известной группы людей внутри социалистического общества нельзя иначе, как переходом земли во всенародную собственность. Лишь всенародная собственность позволяет одинаковый равный доступ к земле для всех граждан государства, ставит производителей в действительно одинаковое отношение к основному средству производства — почве. Ни в коем случае не следует ставить в одну плоскость феодальную или капиталистическую отделенность собственности на землю от землепользования с какой-то новой, социалистической отделенностью (как выражается Я. Кочи), монополию частной собственности на землю с монополией собственности на землю социалистического государства. К ликвидации монополизации земли можно прийти именно тем, что собственность на землю станет „монополией всего общества“ (что, конечно, *absurdum in adiecto*); другими словами, земля перейдет в собственность всего общества, чем ликвидируется какая-либо монополия отдельных лиц или групп. Однако, притом необходимо учесть, что речь идет не только о каком-нибудь юридическом мероприятии, а о процессе изменений в экономических отношениях, что означает, что в течение некоторого времени известные остатки монополии земельной собственности переживают и при социализме. Если, однако, разбирать теорию земельной ренты при социализме, необходимо предполагать существование некоторых явлений и отношений в чистом виде и абстрагироваться от тех остатков, которые не имеют решающего влияния для оценки существующего поло-

жения. Поэтому можно сказать, что социализму адекватна всенародная собственность на землю и что социалистическая дифференциальная рента является выражением этой всенародной земельной собственности. Если бы сельскохозяйственные кооперативы присваивали ренту, потом они выступали бы в экономическом смысле как земельные собственники и здесь постулировалась бы монополия, чуждая социалистическому способу производства.

Сторонники тезиса, что социалистическое общество присваивает дифференциальную ренту, но не на основании собственности на землю, логически доходят до отрицания категории земельной ренты. Так напр. И. И. Козодоев заявляет,¹⁰⁷ что термин „дифференциальная земельная рента“ для социализма непригоден и что его следует заменить новым термином „крестьянский владельчески-земельный разностный доход“; однако в целях всеобщей понятности автор в книге пользуется общепринятым термином, причем слово „рента“ пишет в кавычках. Термин „дифференциальная рента“ пишет в кавычках также Я. Кочи и заявляет, что им можно пользоваться и впредь, „конечно, лишь с тем, что это понятие перенесенное, социально-экономическое содержание которого в процессе возникновения и развития социалистических производственных отношений было превзойдено.“¹⁰⁸ Одинаково мы могли бы продолжать и в отношении остальных сторонников этого взгляда. Это является результатом того, что эти авторы утрачивают какую-либо экономическую связь этой категории с землей. Но так как эта связь существует, речь идет о понятийно одинаковом экономическом отношении, о той же экономической категории, носящей однако совершенно другой социально-экономический характер. Поэтому следует отвергнуть как излишние и даже ошибочные попытки придумать новые названия для этой категории, которые не могут принести ничего полезного для развития экономической теории, а скорее могут ей повредить. Такие попытки можно сравнить с прежними попытками устранения терминов необходимый продукт, прибавочный продукт, прибыль и т. п. из политической экономии социализма, бесполезность которых давно уже была доказана.

Что касается четвертой группы взглядов, ей не надо особенно заниматься, так как она представляет комбинацию мнений, которые мы уже разобрали. Что относится к этим мнениям в отдельности, действительно и о их комбинациях.

Взгляды, о которых мы упоминали в последующих двух группах, можно при обсуждении их объединить, так как они находятся в тесной взаимосвязи: это взгляд, что причиной возникновения дифференциальной ренты при социализме является, с одной стороны, обеспечение равных условий воспроизводства для всех сельскохозяйственных кооперативов, с другой

стороны — обеспечение условий для воздействия экономического закона распределения по труду при помощи изъятия государством избыточного дифференциального дохода. Оба эти мнения выражают атрибуты социалистической всенародной собственности на землю, характер которой требует, чтобы были обеспечены одинаковые условия хозяйствования для коллективов, обрабатывающих землю, и принцип оплаты по труду. Оба эти взгляда отражают лишь то, что является второстепенным для исследования дифференциальной ренты при социализме; первоочередной является всенародная собственность на землю, охватывающая оба приведенных принципа. Отрывая избыточный чистый доход и его превращение в дифференциальную ренту от связи с землей, эти взгляды приводят к сомнениям, можно ли распределенный избыточный чистый доход называть дифференциальной рентой.

Изъятием дифференциальной ренты экономически реализуется всенародная собственность на землю и проявляется тот факт, что земля как основное средство производства в сельском хозяйстве обязательно принадлежит всему народу. Изъятием дифференциальной ренты государство ликвидирует монополию частной и групповой собственности на землю и возбраняет монополистическому присваиванию ренты, которое ни в коем случае не находится в соответствии с системой социалистических производственных отношений. Изъятием дифференциальной земельной ренты и ее использованием на благо всего общества также обеспечивается равный доступ к земле. Все коллективы, ведущие хозяйство на земле, ставятся в одинаковые экономические условия по отношению к земле как естественному средству производства, на землях какого плодородия и местоположения бы они ни работали. При таком равном доступе все сельскохозяйственные кооперативы при одинаковых затратах труда и средств производства и при одинаковом уровне своего труда получают одинаковые доходы, а при остальных равных условиях за ту же работу могут получать и ту же оплату. Оставление дифференциального дохода в кооперативах, где он был создан, значило бы нарушение принципа оплаты по труду, так как такие кооперативы могли бы выплачивать различную оплату за одинаковое количество труда того же качества, которое было затрачено в их совместном хозяйстве. Притом нужно учесть, что лучший результат тут не зависит ни от трудового, ни от материального усилия того или иного коллектива; он не зависит и от высшей квалификации работников, от большей интенсивности их труда и от качества затраченного труда. Лучшего результата было достигнуто вследствие более высокой производительности труда, являющейся следствием лучших, от коллектива, хозяйствующего на земле, не зависящих природных или экономических условий. Некоторые экономисты изображают изъятие дифференциальной ренты при социализме почти как какой-то вид эксплуа-

тации, ссылаясь на ее трудовое происхождение. Верно, что рента образуется трудом колхозников, однако лишь благодаря повышенной производительности труда на лучших участках. Изъятие дифференциальной ренты государством не только не противоречит законам социалистической экономики, а является, наоборот обеспечением условий их действия. Путем изъятия дифференциальной ренты государство, между прочим, обеспечивает также условия для действия экономического закона распределения по труду; этим оно не только не ослабляет материальную заинтересованность в развитии сельскохозяйственного производства, а укрепляет ее. При таких условиях свой доход могут повысить все коллективы, работающие на земле любого плодородия или местоположения, лишь повышением интенсивности сельскохозяйственного производства и систематическим снижением затрат на единицу продукции, а не реализацией избыточного прибавочного продукта, возникшего на основании условий, на создание которых коллективы не имели никакого влияния.

Обратим еще внимание на точку зрения чехословацкого экономиста Ладислава Клинка, выраженную им в его статье в дискуссии журнала „*Politická ekonomie*“.¹⁰⁹ Что касается причины наличия дифференциальной ренты, Клинка в основном исходит из той же точки зрения как И. И. Козодоев и его сторонники. Изъятие государством дифференциальной ренты Клинка мотивирует созданием условий для действия экономического закона распределения по труду и в рамках всего кооперативного сектора. Государство изымает ту часть валового дохода известной группы кооперативов, которой другая группа кооперативов, ведущих хозяйство в худших естественных и экономических условиях, объективно не может добиться и которую не может использовать как источник оплаты, общего потребления и внутрикооперативных накоплений. Однако, по мнению Л. Клинка, изъятая часть реализованного дифференциального прибавочного продукта не является выражением экономической реализации всенародной собственности на землю, между прочим, также потому, что социалистическое государство в действительности не присваивает в процессе реализации изъятые средства в целях применения их для удовлетворения потребностей всего общества, а возвращает их в кооперативный сектор. Это свое положение он стремится доказать при помощи данных, в которых он сравнивает величину отчислений государству в отдельных производственных областях с величиной прямой помощи государства ЕСХН (для производства и для расширенного воспроизводства) в расчете на один гектар в среднем 1960 — 1961 гг. Эти данные показывают, что за эти годы наше общество путем прямой помощи перевело в кооперативный сектор больше средств, чем из него изъяло. В связи с этим Клинка приходит к заключению, что орудия нашей заготовительной системы (налог и прямая финансовая помощь)

выполняют лишь перераспределительную функцию в рамках кооперативного сектора, а не функцию орудий экономической реализации всенародной собственности на землю. Таким образом государство только переводит часть стоимости сельскохозяйственных продуктов из кооперативов, хозяйствующих в лучших условиях, в кооперативы в худших условиях. Этим своим участием в распределении дифференциальной ренты государство в определенной степени решает противоречие внутри кооперативного сектора, возникающее на данной ступени развития групповой кооперативной собственности вследствие того, что отдельные кооперативы ввиду своей политико-экономической самостоятельности монополистически используют влияние более благоприятных естественных условий на производительность труда.¹¹⁰

Эти взгляды Л. Клинка я привожу потому, что здесь происходит очевидное отождествление поверхностных явлений с сущностью. Это, впрочем, недостаток, встречающийся и у многих других экономистов. У Л. Клинка происходит, очевидно, отождествление цены и стоимости. В своей таблице, в которой он сравнивает разности между отчислениями из кооперативов и денежной помощью государства кооперативам, он исходит из заготовительных цен на сельскохозяйственные продукты, установленных примерно по уровню средних условий. В таком случае, конечно, самые цены содержат элемент изъятия дифференциальной ренты. Это ясно видно по схематическому примеру, который Клинка приводит: здесь государство фактически изъяло дифференциальную ренту у кооперативов со средними естественными условиями и часть дифференциальной ренты, возникшей в кооперативах с лучшими естественными условиями. Вторая часть этой ренты передается через государственный бюджет в кооперативы, хозяйствующие в худших естественных условиях, у которых в данном случае появляется отрицательная разность между рыночной ценой и индиви-

Группа производителей	Продукция с 1 га в ц	Индивидуальная стоимость продукции с 1 га	Стоимость 1 ц	Обществ. стоимость продукции с 1 га	Диффер. рента
1	2	3	4	5	6
I	15	3 000	200	3 000	—
II	20	3 000	200	4 000	1 000
III	30	3 000	200	6 000	3 000
IV	40	3 000	200	8 000	5 000
Всего	105	12 000	200	21 000	9 000

Таблица V

Группа производителей	Продукция с 1 га в центнерах	Индивидуальная стоимость продукции с 1 га в кронах	Цена 1 ц	Рыночная стоимость продукции с 1 га (2 × 4)	Разность между рыночной стоимостью и индивидуальной (3—5)
1	2	3	4	5	6
I	15	3 000	114,30	1 714,50	-1 285,50
II	20	3 000	114,30	2 285,50	-714,50
III	30	3 000	114,30	3 428,50	+428,50
IV	40	3 000	114,30	4 571,50	+1 571,50
Всего	105	12 000		12 000,—	

дуальной стоимостью. Ради наглядности я привожу таблицу Клинка (в которой рыночная цена отождествлена с рыночной стоимостью) и таблицу, какой она, по моему мнению, должна была бы быть.

Обсудивши и оценивши отдельные взгляды, мы полагаем, что можно считать доказанным, что лишь мнение, что дифференциальная рента является реализацией всенародной социалистической собственности на землю, может полностью и доказательно объяснить возникновение этой экономической категории социализма. Основой земельной ренты всегда является земельная собственность. Экономическая категория земельной ренты при капитализме является специфическим выражением реализации частной капиталистической собственности на землю, а социалистическая дифференциальная рента является специфическим выражением всенародной социалистической собственности на землю. Из этого и вытекают различия в содержании этих экономических категорий. Искать какие-то другие причины существования дифференциальной ренты при социализме значит покидать марксистскую теорию земельной ренты, доходить до ее

Таблица VI

Заготов. цена 1 ц	Заготов. цена продукции с 1 га в кронах	Разность между загот. ценой и индив. стоимостью продукции с 1 га (8—3)	Диффер. рента, изъятая посредством загот. цен (5—8)	Разность между изъятой диф. рентой и диф. рентой (10—6)
7	8	9	10	11
114,30	1 714,50	-1 285,50	1 285,50	+1 285,50
114,30	2 285,50	-714,50	1 714,50	+714,50
114,30	3 428,50	+428,50	2 571,50	-428,50
114,30	4 571,50	+1 571,50	3 428,50	-1 571,50
114,30	12 000,—	—	9 000,—	—

отрицания, отвергая дифференциальную земельную ренту при социализме или прямо, или косвенно, т. е. стремлением заменить термин рента другим названием. Социально-экономическое содержание ренты в условиях социализма существенно меняется, но ее основой остается земельная собственность.

Первую цельноформленную картину земельной ренты при социализме как экономической реализации земельной собственности дал проф. Т. Л. Басюк.¹¹¹ Однако проф. Басюк полагает, что причиной превращения избыточного дохода в ренту как экономическую реализацию собственности на землю является наличие двух форм собственности на средства производства: всенародной (в том числе собственности на всю землю или на ее существенную часть) и кооперативно-колхозной.¹¹² Такое соединение дифференциальной ренты с явлением, которое не является закономерным для социализма, и дальнейшее логическое развитие этой мысли приводят Басюка к заключениям, ограничивающим дифференциальную ренту лишь на отношения между колхозами и социалистическим государством. Неубедительно также обоснование дифференциальной ренты в странах народной демократии. Здесь проф. Басюк обращается против тех, кто утверждает, что в эпоху диктатуры пролетариата рента не является формой экономической реализации земельной собственности и обосновывают свое утверждение тем, что в странах народной демократии государство, хоть и не является собственником значительной части обрабатываемой земли, получает ренту. Против этого проф. Басюк приводит, что леса, вода, недровые богатства, часть сельскохозяйственной земли, лугов и пастбищ, т. е. большая часть земной поверхности, являются всенародной собственностью; вследствие этого всенародная собственность имеет решающее значение, определяет характер и направление развития экономики этих стран, а также регулирует рентные отношения. Хотя здесь проф. Басюк критикует формальный подход некоторых экономистов к вопросу объема и значения государственной всенародной собственности на землю в странах народной демократии, он сам говорит о части сельскохозяйственной земли, находящейся в частной собственности (хоть и — как он говорит — ограниченной). Здесь, очевидно, произошло некоторое смешение собственности на землю с правом собственности на землю.

Еще резче такое смешение проявляется в статье И. Баланчивадзе.¹¹³ По его мнению причиной существования дифференциальной ренты в социалистическом обществе является монополия на землю как объект хозяйства, обусловленная ограниченностью земельной площади. В то же время он признает, что дифференциальная рента является экономической формой реализации земельной собственности. В СССР, где земля находится в государственной собственности, дифференциальная рента является

формой, в которой реализуется государственная собственность на землю. Однако в отношении стран народной демократии Баланчивадзе стоит на другой точке зрения. Тут, по его мнению, нельзя говорить о том, что государство получает ренту, так как земля не принадлежит государству. Вследствие земельных реформ значительная часть земли в этих странах была передана трудящемуся крестьянству в частную собственность. „Возможно ли в таких условиях возникновение рентных отношений между трудящимися крестьянами и государством? По нашему мнению, нет. Дифференциальная рента существует в народно-демократических странах, но ее присваивает крестьянин — собственник земли, а не государство. В этих странах крестьяне уплачивают государству налоги, которые нельзя смешивать с дифференциальной рентой. Государство получает дифференциальную ренту лишь от государственных хозяйств.“¹¹⁴ Если оставить в стороне тот факт, что Баланчивадзе как причину экономической категории приводит естественный фактор, как и то, что он очевидно смешивает дифференциальный доход как материальную основу дифференциальной ренты с дифференциальной рентой как экономическим отношением, возникающим на этой основе, то из приведенной цитаты вытекает, что Баланчивадзе допускает элементарную ошибку, отождествляя право собственности как явление надстройки с собственностью как явлением экономического базиса. В Советском Союзе государство является собственником земли в результате проведения национализации, и поэтому крестьяне передают ему ренту. В странах народной демократии крестьяне остаются собственниками земли, и поэтому дифференциальная рента остается им. Значит, по Баланчивадзе крестьяне в СССР в явном проигрыше по сравнению с крестьянами народно-демократических стран, как это и комментирует И. И. Козодоев, критикуя взгляды Баланчивадзе.¹¹⁵ Баланчивадзе абсолютизирует собственность на землю саму по себе (правильнее — собственность в юридическом смысле, т. е. право собственности) и не видит целого комплекса производственных отношений, составляющих собственность в действительности.

И эти наши примеры показывают, что упрощенное понимание основных экономических категорий, в частности сталинская концепция экономических отношений, все еще выразительно переживает в современной экономической литературе и является источником многочисленных осложнений и трудностей при исследовании и объяснении разных экономических явлений социалистической экономики.¹¹⁶ Для понимания и правильного толкования дифференциальной земельной ренты при социализме оказывается необходимым правильное объяснение категории собственности на землю при социализме. Без ее понимания и без объяснения ее связи с целым комплексом производственных отношений нельзя будет устранить до сих

пор существующую путаницу различных, часто противоречащих друг другу мнений о дифференциальной ренте при социализме и продвинулись так к созданию общепринятой теории дифференциальной ренты, правдиво отражающей объективную действительность в каждом направлении. В дальнейшей главе я попытаюсь поэтому дать хоть краткий анализ проблематики земельной собственности при социализме.

Сначала придется, однако, обратить внимание на две формы социалистической дифференциальной земельной ренты.

Как известно, дифференциальная рента встречается в двух формах: в форме дифференциальной ренты I и дифференциальной ренты II. Дифференциальная рента связана с неодинаковой производительностью труда сельскохозяйственных производителей, вызванной различиями в плодородии и местоположении отдельных земельных участков. Также дифференциальная рента II связана с различиями в производительности труда, однако обусловленными различным уровнем развития сельскохозяйственного производства, т. е. с различиями в количестве и эффективности добавочных вложений труда и средств производства на единицу сельскохозяйственной площади. Эти две формы дифференциальной ренты необходимо различать и в социалистическом сельском хозяйстве.

Дифференциальная рента I никак не связана с усилием отдельных сельскохозяйственных кооперативов и их членов, между тем как дифференциальная рента II зависит от того, какие добавочные вложения средств производства и живого труда производятся кооперативом, или — другими словами — от степени интенсификации сельскохозяйственного производства.

Естественную базу добавочных вложений средств производства и живого труда представляет земля, ее естественное плодородие¹¹⁷ и местоположение участков. Поэтому, как правило, на землях, лучших с обеих указанных точек зрения, добавочные вложения осуществляются в первую очередь, так как здесь они дают лучшие предпосылки для достижения более высокой производительности труда. Более высокая производительность труда, в свою очередь, приводит к снижению индивидуальной стоимости продукции, полученной при этих условиях, так что растет разница между ней и общественной стоимостью сельскохозяйственного продукта. Эту взаимосвязанность дифференциальной ренты с землей никогда нельзя упускать из виду. Исходной базой возникновения дифференциальной ренты II является дифференциальная рента I. Более высокие затраты средств производства и труда на единицу площади представляют собой по существу наиболее эффективное использование земли, использование ее свойств. Дополнительные вложения средств производства и труда в разные виды почв, будут приносить различные результаты в зависимости от природного плодо-

родия почвы и от местоположения участков, даже если вещественный состав этих вложений и количество живого труда, вложенного в почву, будут одинаковыми. Добавочные средства производства и труд здесь затрачиваются в связи с природными силами, которые в общем невоспроизводимы; дополнительный прибавочный продукт, который тут возникает, не является следствием затрат добавочных средств производства и труда самих по себе, а следствием того, что такие затраты связаны с ограниченной природной силой. Большое количество и лучшее качество средств производства и труда, применявшихся для обработки почвы, обозначают только, что их свойства были лучше использованы и что было достигнуто более высокой эффективности. Это значит, что оба вида ренты неразрывно связаны друг с другом, являясь в сущности выражением того же явления. Разное плодородие почвы и разное местоположение участков проявляются в обоих случаях — как в случае дифференциальной ренты I, так в случае дифференциальной ренты II — и разница состоит лишь в том, что при дифференциальной ренте I речь идет о разных участках, в которые труд и средства производства вкладываются, между тем как при дифференциальной ренте II дело касается одного участка, в который постепенно друг за другом вкладываются дальнейшие средства производства и труд. Поэтому Маркс неоднократно подчеркивал относительность природного плодородия и дифференциальную ренту II всегда исследовал на базе дифференциальной ренты I. Он подчеркивал, что „дифференциальная рента II является лишь другим выражением дифференциальной ренты I, а по существу совпадает с нею.“¹¹⁸ „Ее основой и исходным пунктом не только исторически, но и поскольку дело идет об ее движении во всякий данный момент, является дифференциальная рента I ...“¹¹⁹

Если мы указываем внутреннее единство обеих форм дифференциальной ренты как главную сторону всей проблемы, то это не значит, что мы не признаем различий между обеими формами ренты. В одном случае более высокой производительности труда достигается благодаря действию природных сил, без затраты усилия земледельцев, в другом случае — хотя дело касается лишь более рационального использования этих природных сил, т. е. той же основы — благодаря трудовой инициативе и деятельности человека. Важное теоретическое и практическое значение несомненно имеет вопрос, было ли высоких доходов кооперативов достигнуто оттого, что кооператив хозяйствует на лучших землях, или же оттого, что кооператив вложил больше добавочного (живого и мертвого) труда в худшую почву. Поэтому необходимо строго различать эти две формы дифференциальной ренты и в условиях социализма. Если бы мы согласились с утверждением, что такое деление имеет чисто теоретический смысл, но что практически оба вида ренты нельзя отличить друг от друга¹²⁰ и что для

практики это не имеет никакого значения, это могло бы привести к недооценке некоторых важных мероприятий в области сельского хозяйства, как напр. составления почвенно-климатических карт, экономической оценки участков и т. п. Однако без этих мероприятий нельзя обеспечить правильного размещения сельскохозяйственного производства, его эффективного планирования и правильной налоговой политики в отношении к кооперативам.

Дифференциальная рента II в сельскохозяйственных предприятиях возникает тогда, если добавочные вложения средств производства и труда дают более высокий чистый доход, чем те же затраты на относительно худшей земле, определяющей общественную стоимость. Дифференциальная рента II может образоваться даже в хозяйствах, пользующихся относительно худшей землей, так как добавочные вложения обычно связаны с улучшением технологии производства, с введением новой техники или с внедрением новых рабочих методов и организации труда.

Дифференциальная рента II связана с интенсификацией сельского хозяйства, которая — как мы уже раньше указывали — является главным путем развития сельскохозяйственного производства при социализме. В связи с этим многие экономисты полагают, что с развитием социализма дифференциальная рента II приобретает все большее и большее место в рамках общей дифференциальной ренты и что таким образом теоретическое и практическое значение этой формы ренты непрерывно растет.¹²¹

То, что в социалистическом сельском хозяйстве проходит непрерывный процесс интенсификации сельскохозяйственного производства, руководящим экономическим принципом которого является экономия общественного труда на единицу продукции, — явление закономерное. Этот принцип проявляется в требовании снижения стоимости сельскохозяйственных продуктов, т. е. затрат живого труда и средств производства на единицу выпущенной продукции. Этого можно добиться лишь в условиях непрерывно проходящего процесса технического развития. Технический прогресс в сельском хозяйстве развивается в двух направлениях. Это, во-первых, повышение культуры обработки почвы и животноводства, что проявляется введением рациональных севооборотов, соблюдением агротехнических сроков, сокращением сроков работ в сельском хозяйстве и повышением их качества, отбором селектированного посевного и посадочного материала, повышением количества органических и минеральных удобрений, введением новых методов в животноводство и обширной химизацией сельского хозяйства, т. е. применением химических удобрений, гербицидов, инсектицидов, антибиотиков и т. п. Вторую, параллельную линию повышения технического прогресса представляет непрерывное совершенствование орудий производства, рост технической оснащенности

сельскохозяйственных предприятий и улучшенное использование техники на сельскохозяйственных предприятиях. Этим создаются условия для существенного изменения соотношения живого и мертвого труда в стоимости сельскохозяйственного продукта и предпосылки комплексной механизации и постепенной автоматизации сельскохозяйственного производства. Обе основные линии технического прогресса должны проходить одновременно, так как введение новой техники приносит существенное повышение эффективности только в том случае, если оно сопровождается адекватным развитием агротехники и культуры растениеводства, животноводства и химизации — и наоборот. Наряду с развитием этих вещественных факторов сельскохозяйственного производства одновременно должен повышаться и удельный вес человеческого фактора, т. е. повышение квалификации работников в сельском хозяйстве, создание кадров механизаторов, агрономов и зоотехников, способных полностью использовать все преимущества современной науки и техники. Основным средством производства в сельском хозяйстве однако все остается земля, без которой сельскохозяйственное производство пока не может обойтись. В отличие от всех остальных средств производства, как напр. сельскохозяйственных зданий, сельскохозяйственных машин и т. п., земля не изнашивается, и при правильной обработке ее качество непрерывно повышается. Именно это крупное преимущество сельскохозяйственной почвы является базой более высокой эффективности добавочных вложений средств производства и труда. Благодаря труду работников кооперативов и государственных сельскохозяйственных предприятий и благодаря постоянному техническому прогрессу экономическое плодородие почвы все время повышается. Большой заслугой Карла Маркса в области теории дифференциальной ренты было ее освобождение от взаимосвязи с т. наз. „законом убывающего плодородия почвы“, который утверждает, что дальнейшие добавочные вложения капитала в сельское хозяйство обязательно сопровождаются непрерывно понижающимися урожаями.

Этот „закон“, создателем которого является французский физиократ Тюрго (2 половина 18 века) и который еще за 150 лет до него в главных чертах сформулировал А. Серра, стал органической составной частью теории дифференциальной ренты Давида Рикардо. Позже он приобрел апологетический характер у многочисленных буржуазных экономистов (Брентано, Зомбарт, Маслов, Булгаков, Кейнс, Маршалл, Кларк и др.), которые утверждали, что „закон убывающего плодородия почвы“ в сельском хозяйстве действует как универсальный и вечный закон природы. Его сущность, по их мнению, заключается в том, что каждое дальнейшее вложение труда и капитала в почву вызывает снижение добавочного продукта, что добавочный капитал и труд, вкладываемые в почву, приносят

меньшие урожаи, чем предшествующие вложения. Буржуазные идеологи утверждают, что „закон убывающего плодородия почвы“ является причиной всех противоречий и недостатков при капитализме, а в частности причиной бедности трудящегося крестьянства. В этом заключается взаимосвязь этого „закона“ с мальтузианством; поэтому его сторонниками являются неомальтузианцы типа Фогта, Кука, Пенделла и др., стремящиеся доказать, что бедность трудящихся является результатом скудости природы. Эта теория приобрела у них прямо-таки чудовищные формы: защиты голода, эпидемий, войн и обязательной стерилизации как мероприятий для уменьшения избыточного населения земного шара.

Как указал В. И. Ленин,¹²² этот закон был сформулирован при предпосылке неизменного уровня техники в сельскохозяйственном производстве; предполагается, что производительные силы в сельском хозяйстве в основном не изменяются и что технический прогресс является лишь временной тенденцией, исключением. Напр. Булгаков заявлял, что технический прогресс как временная тенденция не может устранить понижение плодородия почвы, которое является постоянным природным законом. Однако на самом деле одно понятие „добавочные вложения труда и капитала“ в тот же участок предполагает развитие техники, улучшенную технологию и рост производительных сил. Чтобы было можно повышать вложения труда и капитала в ту же почву в большем масштабе, необходимо вводить новые способы обработки почвы, проводить мелиорацию, применять новые виды удобрений и других химических средств, внедрять новые машины и т. д. Без этого систематическое и эффективное повышение вложения капитала и труда в почву невозможно. Неизменное состояние производительных сил и методов производства представляет весьма узкую рамку для добавочных вложений труда и средств производства в тот же участок. В конце концов, это не специфично для сельского хозяйства, а относится в равной мере и к промышленному производству; и здесь дальнейшие затраты труда и средств производства в большем масштабе требуют изменения техники и технологии, организации и т. п.

Следовательно, при неизменном уровне производительных сил в сельском хозяйстве, как и в промышленности, пределы добавочных затрат труда и средств производства ограничены. Развитие сельского хозяйства во всех странах, однако, показывает, что происходит постоянный технический прогресс и непрерывный рост производительных сил, что все время отодвигает пределы эффективной интенсификации сельскохозяйственного производства. Об этом свидетельствует и развитие сельскохозяйственного производства в капиталистических странах, где все уменьшающееся число сельскохозяйственного населения благодаря техническому прогрессу производит все больше сельскохозяйственных продуктов для растущих масс

населения. Притом следует иметь в виду, что это развитие проходит на базе экономических законов капитализма. Улучшения сельскохозяйственного производства, вызванные внедрением высокой техники и использованием сведений сельскохозяйственной науки, при капитализме доступны лишь крупным предприятиям, причем они усиливают их преимущества по сравнению с предприятиями мелкого производства. Поэтому повышенное экономическое плодородие почвы имеет при капитализме в конечном итоге следствием разорение крестьян, так как, с одной стороны, оно приводит к снижению стоимости продуктов, с другой стороны — к необходимости таких крупных капиталовложений, которые недоступны мелким предприятиям. В то же время капиталистическая интенсификация сельского хозяйства часто приводит к повреждению основного средства производства в сельском хозяйстве, к истощению почвы, так как сельскохозяйственные предприниматели стремятся как возможно больше использовать капиталовложения, пока имеют силу арендные договоры. При социалистическом способе производства все эти отрицательные явления утрачивают свою базу, так как тут существует возможность создания рациональной системы и интенсификации сельского хозяйства без образования этих противоречий. При социализме, когда монополия частной собственности на землю исчезла, существуют все условия для устранения отставания сельского хозяйства от промышленности. Т. наз. „закон убывающего плодородия почвы“ вовсе не отражает историческую действительность и противоречит самой жизни. Он не действует и в капиталистическом обществе, а тем менее — в социалистическом. При социализме, когда все общественно-экономические пределы технического прогресса удалены, существуют — благодаря непрерывному развитию социализма, использованию сельскохозяйственной науки, новым методам и организации производства — условия для непрерывного роста интенсивности сельскохозяйственного производства, т. е. для все большей концентрации труда (мертвого и живого) на единице обрабатываемой площади, а вследствие этого и условия для дальнейшего подъема производительности труда.

Если мы пришли к выводу, что интенсификация сельского хозяйства вследствие технического развития при социализме неограничена и что она представляет собою главный способ повышения производительности труда в сельском хозяйстве, то из этого не вытекает заключение, что дифференциальная рента II является при социализме главной формой дифференциальной ренты, превышающей все больше и больше дифференциальную ренту I. Мы попытаемся этот вопрос объяснить подробнее.

Мы уже показали, что базой для повышения плодородия земли при помощи интенсификации сельскохозяйственного производства является действительное, эффективное плодородие, из которого мы исходим. Никакая

почва не плодоносит, если не вложить в нее живой труд и средства производства. Даже когда мы говорим о дифференциальной ренте I, мы всегда предполагаем, что — как это отмечается и Марксом¹²³ — было затрачено известное количество живого труда и средств производства, которое при данных производственных условиях можно считать нормальным. Положение тут в сельском хозяйстве то же самое, что в промышленности, где также при определенных производственных условиях для той или иной отрасли промышленности требуется известный минимум живого труда и средства производства. На тех сельскохозяйственных предприятиях, где затраты труда (живого и мертвого) превышают нормальные вложения, данные достигнутым общедействительным общественным уровнем производительных сил, возникает избыточный дифференциальный доход, являющийся основой дифференциальной ренты II. Этот дифференциальный доход образуется, с одной стороны, на почвах того же плодородия и местоположения, а с другой стороны — на почвах разного плодородия и местоположения. Это необходимо различать.

Еще в первой главе нашей работы мы показали, какие значительные различия в урожаях с 1 га и в уровне валовой продукции наблюдаются в отдельных районах. Так в таблице II мы напр. видим, что валовая сельскохозяйственная продукция с 1 га сельскохозяйственной земли по сравнению со средним ЧССР была в кукурузном районе на 6,6 % выше, а в свекловичном районе даже на 30,5 % выше, между тем как в картофелеводческом районе на 6,5 % ниже, в картофелеводческо-овсяном районе на 24,4 % ниже, а в горном районе — даже на 48,7 % ниже. Эти значительные различия являются прежде всего следствием разных природных условий в отдельных производственных районах. Еще более непосредственно это влияние сказывается в индексе растениеводческой продукции с 1 га сельскохозяйственной почвы, где мы видим, что в свекловичном производственном районе продукция в растениеводстве больше чем в 3 раза превышает горные районы. Природные условия являются здесь в то же время причиной разной степени интенсификации сельскохозяйственного производства и различной концентрации производительных сил в отдельных производственных районах. По таблице видно, что в свекловичном районе было произведено на 19,8 % больше денежных, материальных и трудовых затрат (т. е. было затрачено больше средств производства и живого труда), чем составляет общегосударственное среднее, в кукурузном районе — на 7,8 % больше, между тем как в картофелеводческом районе — на 6,4 % меньше, в картофелеводческо-овсяном — на 18,1 % меньше, а в горном районе — даже на 30 % меньше общегосударственного среднего. Причина этого состоит в том, что интенсификация производства эффективнее в лучших природных условиях, где существует большая возможность использования исходного

эффективного плодородия и лучшего местоположения земли. Чтобы глубже обосновать этот факт, мы приводим еще некоторые показатели хозяйствования ЕСХК за 1961 г., причем отдельно для чешских и словацких областей (табл. VII и табл. VIII), так как разный уровень сельскохозяйствен-

Таблица VII

Показатели хозяйствования ЕСХК по производственным районам в 1961 г.
Чешские области

Показатель	Всего	В том числе производственный район				
		кукурузный	свекловичный	картофельно-водческий	картофельно-овсяной	горный
Валовая с.-х. продукция с 1 га с.-х. угодий (среднее районов = 100)	100,0	115,2	124,2	92,5	78,5	66,3
в том числе:						
растениеводство	100,0	124,6	127,5	90,1	78,2	60,7
животноводство	100,0	103,3	120,1	95,6	78,9	73,4
Валовая с.-х. продукция на 1 работника (среднее районов = 100)	100,0	87,4	108,0	99,6	90,0	79,9
Валовые денежные доходы на 1 га с.-х. угодий в кронах	4 655,6	5 739,8	5 974,1	4 100,0	3 594,7	3 476,9
Денежные издержки производства на 1 га с.-х. угодий в кронах	1 899,3	1 993,6	2 273,6	1 739,3	1 613,3	1 675,9
Чистые денежные доходы на 1 га с.-х. угодий в кронах	2 341,9	3 130,2	3 067,1	2 047,9	1 728,9	1 563,2
С.-х. угодия в га на 1 постоянного работника (среднее районов = 100)	100,0	75,0	87,5	108,3	114,6	118,8
Отработанные трудодни на 1 га с.-х. угодий	101,5	122,0	119,5	94,3	86,3	80,9
Денежная оплата 1 трудодня в кронах (в том числе премии и непроизведенная натуроплата)	17,9	19,0	19,6	17,1	15,6	15,2
Урожай с 1 га главных с.-х. культур в ц:						
пшеница	29,4	30,5	32,5	27,3	24,2	19,8
рожь	23,2	24,5	23,0	23,1	23,8	22,0
ячмень	25,6	27,6	27,4	24,0	21,8	18,5
овес и смесь	23,5	26,5	25,4	24,0	21,8	17,4
сахарная свекла	296,5	284,6	306,6	239,9	249,9	196,7
картофель	106,2	100,3	96,8	102,4	125,5	114,9
Поголовье на 100 га продуктивной площади:						
крупный рогатый скот	74,0	67,6	78,4	73,6	67,6	69,4
в том числе коров	31,1	28,2	34,2	30,6	27,5	28,0
свиньи	93,1	120,5	107,2	88,5	72,2	53,1

Источник: Статистический ежегодник ЧССР, 1962.

Показатели хозяйствования ЕСХК по производственным районам в 1961 г.
Словацкие области

Показатель	Всего	В том числе производственный район				
		кукурузный	свино- вычный	картофель- водческий	картофель- водческо- овсяной	горный
Валовая с.-х. продукция с 1 га с.-х. угодий (среднее районов = 100)	100,0	129,4	103,5	79,6	59,0	55,8
В том числе:						
растениеводство	100,0	131,6	103,9	78,2	55,4	52,5
животноводство	100,0	126,2	103,0	81,7	64,1	60,6
Валовая с.-х. продукция на 1 работника (среднее районов = 100)	100,0	113,6	102,6	80,9	69,3	81,8
Валовые денежные доходы на 1 га с.-х. угодий в кронах	3 334,7	4 187,2	3 328,8	2 689,6	2 249,3	2 189,1
Денежные издержки производства на 1 га с.-х. угодий в кронах	1 550,3	1 707,1	1 595,0	1 475,0	1 265,5	1 276,5
Чистые денежные доходы на 1 га с.-х. угодий в кронах	1 439,9	1 995,2	1 357,7	987,3	808,9	790,9
С.-х. угодия в га на 1 постоянного работника (среднее районов = 100)	100,0	87,3	100,0	101,6	117,5	144,4
Отработанные трудодни на 1 га с.-х. угодий	84,6	102,3	88,5	75,2	61,0	51,5
Денежная оплата 1 трудодня в кронах (в том числе премии и непроизведенная натуроплата)	12,9	14,6	11,6	10,5	10,0	11,8
Урожай с 1 га главных с.-х. культур в ц:						
пшеница	21,5	23,9	20,3	17,3	15,5	17,0
рожь	17,4	18,3	16,8	16,9	14,8	18,9
ячмень	20,0	21,9	20,3	16,7	14,9	16,5
овес и смесь						
овса с ячменем	16,4	19,9	17,8	14,7	13,1	14,2
сахарная свекла	251,6	254,5	247,2	221,7	237,1	220,8
картофель	86,6	84,6	73,5	83,6	73,9	109,4
Поголовье на 100 га продуктивной площади:						
крупный рогатый скот	46,2	51,8	47,6	42,2	37,1	37,3
в том числе коров	16,7	19,1	16,7	15,2	13,3	13,5
свиньи	101,1	114,7	97,5	84,1	70,3	72,6

Источник: Статистический ежегодник ЧССР, 1962.

ного производства в обеих частях страны несколько искажает совокупные показатели. Эти таблицы помимо подтверждения исследуемой проблемы одновременно показывают общий более низкий уровень сельскохозяйственного производства в словацких областях: более низкое эффек-

тивное плодородие почвы и существенно более низкую интенсивность сельскохозяйственного производства в Словакии. Кроме того здесь выявляется, что в чешских областях наиболее эффективным является свекловичный район (вследствие общего перевеса чешских областей дело обстоит так же и по отношению общегосударственных цифр), а в Словакии — кукурузный район.

Однако, дифференциальный доход вследствие дальнейших затрат живого труда и средств производства возникает и в пределах одного производственного района, при тех же природных и климатических условиях. В качестве примера приведем таблицу индексов основных показателей хозяйствования ЕСХК в отношении к валовой сельскохозяйственной продукции с 1 га сельскохозяйственной почвы в свекловичном районе чешских областей в 1960 и 1961 гг. Таблица была составлена по материалам Центрального учреждения государственного контроля и статистики, разработавшего с этой точки зрения данные годовых отчетов ЕСХК за указанные годы, причем ЕСХК были разделены на три группы: I) до 6700 крон валовой сельскохозяйственной продукции, II) с 6700 по 8700 крон, III) свыше 8700 крон. Таблица IX — при предпосылке, что в большом комплексе

Таблица IX

Основные показатели хозяйствования ЕСХК в отношении к валовой сельскохозяйственной продукции с 1 га сельскохозяйственных угодий свекловичного производственного района в чешских областях в 1960 и 1961 гг.
(Среднее района = 100)

Показатель	Год	Группы ЕСХК по валовой с.-х. продукции с 1 га с.-х. угодий в кронах		
		I до 6 700	II 6 700—8 700	III свыше 8 700
Валовая с.-х. продукция с 1 га с.-х. угодий	1960	76,2	100,5	129,0
	1961	76,6	99,5	126,5
Денежные издержки производства на 1 га с.-х. угодий	1960	88,9	99,2	115,5
	1961	88,1	98,9	115,5
Стоимость основных средств производства на 1 га с.-х. угодий	1960	84,4	102,1	115,1
	1961	87,6	100,5	112,3
Чистые денежные доходы на 1 га с.-х. угодий	1960	68,4	100,2	139,3
	1961	68,0	99,2	136,5
Площадь с.-х. угодий на 1 постоянного работника	1960	114,6	102,4	85,4
	1961	116,7	100,0	83,3
Число трудодней на 1 га с.-х. угодий	1960	85,2	100,0	118,2
	1961	84,0	100,0	117,7
Отчисления в неделимый фонд для расширенного воспроизводства на 1 га с.-х. угодий	1960	65,0	97,8	147,7
	1961	60,2	98,6	146,6

Источник: Материалы Центрального учреждения государственного контроля и статистики.

самые разнообразные субъективные факторы, действующие в отдельных сельскохозяйственных предприятиях, уравниваются — показывает ясную взаимосвязь между количеством затраченных на единицу площади обрабатываемой почвы средств производства и живого труда и объемом валовой сельскохозяйственной продукции. Такие добавочные вложения, как показывает приведенная таблица, дают лучшие экономические результаты, являясь источником более высокой производительности труда в интенсивнее хозяйствующих кооперативах. Оказывается, что в таких кооперативах поднимается и материальная заинтересованность кооперированных крестьян и в то же время повышаются ассигнования в неделимые фонды, что содействует дальнейшему развитию сельскохозяйственного предприятия.

Более подробный анализ вопросов интенсификации сельскохозяйственного производства выходит за рамки нашей работы. Здесь мы им занимаемся только в связи с вопросом, к решению которого мы хотим прийти. Поэтому вернемся к этому вопросу. Те факты, что интенсификация сельскохозяйственного производства при социализме не подвержена никаким ограничениям со стороны социально-экономических причин и что является главным средством повышения производительности труда в сельском хозяйстве, как и указанные нами уже различия в добавочных вложениях живого труда и средств производства при тех же природных условиях, кажутся на первый взгляд свидетельствовать о том, что дифференциальная рента II становится при социализме главной формой дифференциальной ренты. Однако такое заключение было бы, по моему мнению, неправильно. Необходимо учесть, каковы тенденции развития при социализме и рассмотреть соотношение между дифференциальной рентой I и дифференциальной рентой II с точки зрения движения.

В общем можно сказать, что дифференциальная рента II относительно не так постоянна, как дифференциальная рента I. Дифференциальная рента II возникает у тех сельскохозяйственных предприятий, которые в землю вкладывают больше труда (овеществленного и живого), чем в данное время составляют обычные, нормальные затраты. Это значит, что она образуется у тех производителей, на предприятиях которых применяются новые методы хозяйствования, новая техника и т. д. Лишь только новый способ производства станет общепринятым, повышенные затраты станут нормальными, дифференциальная рента II исчезнет и превратится в дифференциальную ренту I. Дифференциальная рента II потом появится снова у тех предприятий, которые будут пользоваться дальнейшими, новыми сведениями науки и техники.

Повышение минимума вкладываемого в почву капитала, предназначенного для улучшения почвы, при капитализме происходит постепенно.

Капиталистический способ производства позволяет лишь очень медленное и в то же время неравномерное повышение интенсивности сельскохозяйственного производства. Это оказывает воздействие на параллельный рост дифференциальной ренты II с развитием капитализма, так как повышаются дифференции в объеме капиталовложений, произведенных в ту же почву и в разные почвы. Иначе дело обстоит при социализме. Созданием социалистических производственных отношений возникла основная общественно-экономическая предпосылка для окончательного устранения отставания сельского хозяйства и для доведения сельского хозяйства до уровня промышленности. Первоочередной задачей в этом процессе является быстрый рост интенсивности сельскохозяйственного производства. Интенсивность сельскохозяйственного производства при социализме должна расти скорыми темпами и в то же время равномерно на всех участках, на всей земле. Введенные в отдельных сельскохозяйственных предприятиях улучшения могут без препятствий распространяться по всем предприятиям данного производственного района; таким образом в период развернутого социализма различия в интенсивности сельскохозяйственного производства при тех же природных условиях будут постепенно исчезать. Интенсивность сельскохозяйственного производства возрастает на всех участках, это значит — и на относительно наихудших землях, определяющих стоимость сельскохозяйственных продуктов. Развивающаяся специализация производства и рациональное использование природных условий для производства наиболее выгодных продуктов приведут в значительной мере к уравниванию интенсивности сельскохозяйственного производства в разных производственных районах. Несмотря на то, что и в будущем сохранятся различия в уровне интенсивности производства, можно предполагать, что они будут уменьшаться и ни в коем случае увеличиваться. Это все значит, что роль дифференциальной ренты II при социализме не будет расти и что ее удельный вес в общей ренте не будет повышаться, а наоборот — будет понижаться. Таким образом решающее значение для общего размера земельной ренты при социализме имеет, по моему мнению, не дифференциальная рента II, а дифференциальная рента I.

Для объяснения процесса образования дифференциальной ренты II и ее превращения в дифференциальную ренту I мы используем схематическое изображение в таблицах. Таблица X показывает образование дифференциальной ренты I на трех видах участков разного плодородия при условии одинаковых затрат живого труда и средств производства.

Затраты 100 пусть представляют нормальные, общественно обычные затраты при данном уровне производительных сил, на участках разного плодородия. Если некоторые сельскохозяйственные предприятия при этих условиях затратят целесообразно больше средств производства и живого

Таблица X

Участки	Затраты	Урожай в тех. единицах	Стоимость единицы продукции	Стоимость всей продукции	Дифференциальная рента I
А	100	4	25	100	—
Б	100	5	25	125	25
В	100	6	25	150	50

труда, напр. не 100, а 200, производительность труда повысится и возникнет дифференциальный доход, являющийся основой дифференциальной ренты II. Если повышение интенсивности производства произойдет лишь на некоторых сельскохозяйственных предприятиях, рост производительности труда не окажет влияния на общественную стоимость сельскохозяйственных продуктов. Притом производительность труда быстрее порастет на участках, обладающих лучшим плодородием, так как у них существуют предпосылки для более эффективного использования свойств земли или ее местоположения. Интенсификация тут обозначает более рациональное использование более пригодных природных условий. Схематически можно это изобразить следующим образом:

Таблица XI

Участки	Затраты	Урожай в тех. единицах	Стоимость единицы продукции	Стоимость всей продукции	Дифференциальная рента I	Дифференциальная рента II
А	200	10	25	250	—	50
Б	200	12	25	300	25	75
В	200	14	25	350	50	100

Мы видим, что здесь образуется дифференциальный доход, основа дифференциальной ренты II, который количественно определяется разностью между производительностью добавочных затрат средств производства и живого труда и производительностью нормального вложения в относительно худшую землю, регулирующего стоимость сельскохозяйственного продукта. В нашем случае при добавочном вложении в землю А речь идет о разности 150—100, т. е. 50, между тем как на земле Б при том же добавочном вложении возник более высокий избыточный чистый доход, представляющий собою разность 175—100, т. е. 75 (причем 175 будет производительность добавочного вложения в стоимостном выражении), а на лучшей земле В — разность 200—100, т. е. 100. Более высокая интенсивность производства приводит к возникновению избыточного чистого дохода и на наихудших участках. По моему мнению, следует отличать дифференциальный избыточный доход, возникший вследствие добавочных вложений

средств производства и живого труда в относительно наихудшую землю, т. е. в нашем случае 50 на земле А, от дополнительной части дифференциального дохода, возникшей вследствие тех же вложений на лучших землях, т. е. в нашем случае дополнительную часть размером 25 на земле Б (по сравнению с производительностью того же вложения на земле А) и размером 50 на земле В. Это различие необходимо прежде всего для решения вопроса использования дифференциальной ренты II.

Если новый способ производства, новые методы труда, новые механизмы и т. п. станут общеприменяемыми, добавочное вложение 200 станет нормальным; дифференциальная рента II при этом размере вложений исчезает, превращаясь в дифференциальную ренту I. Схематически это можно изобразить следующим образом:

Таблица XII

Участки	Затраты	Урожай в тех. единицах	Стоимость единицы продукции	Стоимость всей продукции	Дифференциальная рента I
А	200	10	20	200	—
Б	200	12	20	240	40
В	200	14	20	280	80

В этом случае стоимость сельскохозяйственных продуктов понизится до 20 и дифференциальная рента II будет образоваться только на тех сельскохозяйственных предприятиях, которые будут внедрять новые способы производства, агротехники и т. п., одним словом, будут в землю вкладывать дальнейшие средства производства или живой труд сверх общепринятого, нормального уровня.

В отношении использования дифференциальной ренты II значительная часть советских экономистов придерживается мнения, что она должна оставаться в тех хозяйствах, в которых она возникла.¹²⁴ Они аргументируют, что это нужно для стимулирования добавочных вложений средств производства и живого труда. Эта аргументация неправильна, так как нельзя утверждать, что изъятие этой ренты государством является нарушением стимула для добавочных вложений. Рента всегда является избыточным доходом; ее изъятием никак не затрагиваются обычные доходы сельскохозяйственных предприятий, связанные с добавочными затратами. Такие доходы остаются сельскохозяйственным предприятиям. Следует однако признать, что частичное или полное предоставление дифференциальной ренты тем предприятиям, на которых она была создана, может иметь весьма положительное влияние. Оно может существенно повысить материальную заинтересованность предприятий в интенсификации сельскохозяйственного производства.

Однако научно-теоретическое содержание проблемы изъятия дифференциальной ренты II государством другое. Вопрос стоит так, является ли изъятие принципиально допустимым или недопустимым. Предоставление дифференциальной ренты сельскохозяйственному предприятию или ее изъятие могут укреплять или ослаблять материальную заинтересованность, но не могут ее создавать или уничтожать. Это обусловлено целым рядом обстоятельств, которые мы не можем здесь разбирать. Если в некоторых случаях оставление ренты на сельскохозяйственных предприятиях приводит к заинтересованности в развитии производства, то в других случаях оно может ее, наоборот, ослаблять. Это может произойти напр. в тех предприятиях, которые работают при наилучших условиях, позволяющих им легко получать высокие доходы и так удовлетворять свои потребности в соответствии с возможностями общества, существующими для удовлетворения этих потребностей. В этом отношении можно согласиться с т. Кочи.¹²⁵

Обсудивши этот вопрос, можно считать доказанным, что дифференциальная рента I теоретически полностью принадлежит социалистическому государству как представителю всего народа. Однако тут появляется вопрос практической возможности изъятия всей ренты, а также вопрос, не будет ли целесообразным при известных условиях часть ее оставить в сельскохозяйственных предприятиях, указав, может быть, способ ее использования. Однако нельзя определить его только теоретически, так как это вопрос политико-экономического анализа конкретных условий и задач, решаемых государством на данном этапе развития социалистической экономики.

Но в отношении дифференциальной ренты II я считаю правильным, что ряд экономистов пытается теоретически определить пропорции, в которых следует избыточный дифференциальный доход, обусловленный дифференциальной производительностью добавочных вложений средств производства и живого труда, распределять между сельскохозяйственными предприятиями, где он возник, и обществом в лице государства. В этом я расхожусь с мнением т. Кочи.

Те экономисты, которые стремятся к достижению этой цели,¹²⁶ исходят из того факта, что добавочные вложения в землю средств производства и труда производит, с одной стороны, государство за счет общенародных средств, с другой стороны — сами кооперативы за счет собственных средств. Мера их участия потом должна служить критерием для распределения дифференциальной ренты II между этими участниками. Государство участвует в интенсификации сельскохозяйственного производства путем ассигнований на развитие науки и сельскохозяйственной техники, ассигнований на мелиорацию, на производство сельскохозяйственных машин, на распространение химических средств для сельского хозяйства, на воспи-

тание квалифицированных кадров для сельского хозяйства и т. п. То, что здесь перечисляется, представляет собой по существу создание общих условий для интенсификации сельскохозяйственного производства. Само собой разумеется, что в обязанности социалистического государства как представителя социалистического общества входит финансирование таких задач за счет общенародных фондов. Речь идет об одной из первых обязанностей государства, а именно развивать общественное производство в сельском хозяйстве, как и в остальных областях материального производства, а также об обязанности заботиться о развитии внепроизводственных видов деятельности общества. Для этой цели в первую очередь служат общенародные фонды. Поэтому здесь, по моему мнению, нельзя видеть критерия для распределения дифференциальной ренты II между сельскохозяйственными предприятиями и государством.

Выше мы указали две части дифференциальной ренты II и подчеркнули необходимость различать их именно с точки зрения использования дифференциальной ренты II. Возникновение дифференциального добавочного дохода как основы дифференциальной ренты II несомненно связано с затратой известного трудового и материального усилия со стороны сельскохозяйственных коллективов. Эти коллективы вкладывают в землю больше, используют больше средств производства и живого труда и тем самым лучше используют естественное плодородие или местоположение участков. Поэтому им теоретически полностью принадлежит та часть дифференциальной ренты II, которая возникает на относительно худших участках вследствие более высоких затрат средств производства и труда. Если вернуться к нашему схематическому примеру, то это будет часть в размере 50. Однако те же затраты, произведенные на лучших участках (в нашем случае — участках Б и В) дают большие урожаи, причем без заслуги коллектива сельскохозяйственных производителей, только вследствие лучших природных или экономических условий, в создании которых сельскохозяйственные коллективы не принимают никакого непосредственного участия. Эта часть теоретически полностью принадлежит обществу, т. е. социалистическому государству, которое ее и использует в пользу общества (следовательно, и в пользу развития сельскохозяйственного производства). В нашем случае это на участках Б доход в размере 25 и на участках В — в размере 50. Таким образом рентное отношение между государством как собственником земли и сельскохозяйственными коллективами, работающими на земле, возникает при социализме лишь по отношению к этой части избыточного чистого дохода, обусловленного добавочными вложениями средств производства и труда сверх обычной нормы. В этом — по моему мнению — следует видеть теоретический критерий для распределения дифференциальной ренты II между государством и хо-

зяйствующими коллективами. Часть, принадлежащая обществу, определяется разностью между производительностью добавочного вложения средств производства и живого труда в землю лучшего плодородия и местоположения и производительностью того же вложения в относительно наихудшую землю, регулирующую общественную стоимость сельскохозяйственных продуктов.

В связи с этим следует еще упомянуть, что иногда участки того же плодородия и местоположения, даже при одинаковых размерах добавочных затрат, т. е. оснащенные той же техникой, могут приносить разные доходы в зависимости от степени использования этой техники и добавочных вложений вообще. Это влияния субъективного характера; избыточный чистый доход, возникший вследствие лучшего использования средств производства и труда, более выгодного распределения затрат между средствами производства и живым трудом и т. п., нельзя — при условии равных вложений — относить к понятию дифференциальной ренты II. Мы всегда предполагаем известный, в данное время общественно нормальный уровень использования средств производства и т. д. Если в сельскохозяйственном предприятии использование техники, распределение добавочных вложений и т. п. находится на более высоком уровне, чем нормальный уровень, производительность труда возрастает и образуется прибавочный чистый доход (сверхприбыль) сельскохозяйственного предприятия так же, как и в любой другой отрасли материального производства. Если однако уровень использования техники зависит от тех или других размеров участка, от его конфигурации, длины полей, раздробленности нахотной земли и т. д., то в этом случае добавочный чистый доход является разновидностью дифференциальной ренты I, так как он связан в различием в природных и экономических условиях сельскохозяйственных предприятий.¹²⁷

Прибавочный чистый доход сельскохозяйственного предприятия, возникший вследствие влияний субъективного характера, носит лишь временный характер. Дифференциальная рента, однако, является всегда определенным избыточным чистым доходом относительно постоянного характера, так как она основывается на дифференциальной производительности труда, вызванной либо лучшим плодородием или местоположением участка, либо более эффективным использованием плодородия земли или местоположения при помощи добавочных вложений в землю средств производства и живого труда.

В заключение этой главы можно сказать: Дифференциальная земельная рента при социализме существует. Социалистическая дифференциальная рента, как каждая экономическая категория, существует независимо от познания и воли людей. Это объективное экономическое отношение между людьми в первой фазе коммунистического общества, вытекающее из все-

народной социалистической собственности на землю. Ее социально-экономическое содержание диаметрально отличается от земельной ренты при эксплуататорских формах общественного строя, но понятийно речь идет о том же отношении. Материальной основой социалистической земельной ренты является избыточный дифференциальный доход, возникающий в хозяйствах сельскохозяйственных коллективов вследствие различий в плодородии и местоположении участков и вследствие существования товарного производства при социализме. Количественно рента определяется разностью между общественной стоимостью сельскохозяйственных продуктов и их индивидуальной стоимостью на лучших участках, чем относительно наихудшие участки, определяющие общественную стоимость. Социалистическая земельная рента существует в двух формах: как дифференциальная рента I и дифференциальная рента II. Непосредственной причиной возникновения социалистической земельной ренты, т. е. превращения избыточного дифференциального чистого дохода в ренту, является социалистическая всенародная собственность на землю, реализацию которой социалистическая дифференциальная рента собой представляет.